

Интервью с Романом Николаевичем АБРАМОВЫМ

«До поездки в ИС РАН я почти не видел «живых» социологов»

Абрамов Р. Н. — окончил Институт экономики и менеджмента Пензенской государственной архитектурно-строительной академии (ныне — унив. архитектуры и строительства) (1997 г.), кандидат социологических наук (2000 г.); департамент социологии факультета Социальных наук НИУ ВШЭ, доцент (с 2002 г.); отдел теории и истории социологии ИС РАН, старший научный сотрудник (с 2001 г.). Основные области научного интереса: история социологии, теория социологии, социология коллективной памяти и ностальгии, социология профессий, социология высшего образования, качественная методология.

Интервью состоялось: май 2014–май 2015 годов

Середина октября 2015 года, уже несколько месяцев я не начинаю новых бесед с российскими социологами, лишь завершаю ранее начатые и готовлю к размещению на сайте проекта уже законченные. К разряду последних относится и необычно развивавшееся интервью с Романом Николаевичем Абрамовым. Началось оно 12 мая 2014 года, двигалось неспорно, и завершилось — через год, в первую неделю мая 2015 года. Обычно в ближайшие после этого дни, я пишу вводный текст и вскоре интервью появляется в веб-пространстве. Но здесь сложилась серия обстоятельств, нарушивших обычный ход событий.

Первое обстоятельство — значительный объем текста интервью с Романом Абрамовым, хотя вскоре подобное не стало редкостью. Второе, — новая для меня реальность: Абрамов — представитель в то время мало мне знакомого VI поколения социологов. Позже, во второй половине 2014 и первой половине 2015 года я форсировал проведение интервью с социологами этой когорты и даже приступил к беседам с представителями VII поколения. Постепенно у меня возникло желание рассмотреть содержание разговора с Романом в контексте информации, полученной от социологов его поколения.

Третье крайне важное для моего историко-социологического проекта и для меня лично обстоятельство. Смерти В. А. Ядова и С. А. Кугеля — двух социологов, стоявших у истоков нашей науки, заставили меня на месяц вообще отойти от работы с интервью. Дружеские отношения с ними, уважение к сделанному ими потребовало от меня изменить краткосрочные планы и написать материалы в их память. Более того, когда этот текст уже был начат, в Америке скончался Владимир Шляпентох. Так сложилось, что я получил это печальное сообщение через несколько минут после случившегося, и мне пришлось оповещать об этом моих российских коллег.

И вот — пришло время для завершения интервью с Романом Абрамовым. Благодаря не планировавшейся задержке первичного анализа содержания нашего диалога, теперь у меня есть возможность, не только привести информацию о его вхождении в социологию, но и — пусть в самых общих чертах — рассказать немного о социологах VI поколения. К этой когорте нашего профессионального сообщества относятся те, чьи годы рождения заключены в интервале 1971–1982 гг. Таким образом, в конце 2015 года старшим из этого поколения будет 44 года, младшим — 33 года.

Возрастное различие в 12 лет между этими полюсными группами — немалое, тем не менее, существует нечто принципиальное, объединяющее их. И старшие, и младшие родились и прошли процесс первичной социализации в СССР и в первые годы становления новой собственно российской государственности, но получили образование и — что следует особенно подчеркнуть — начали свою научную деятельность уже в современный, постсоветский период российской социологии. Таким образом, их собственный профессиональный опыт не включает в себя личное знакомство со многими практиками, институциями, характерными для советского периода отечественной социологии.

Замечу, со временем восприятие 12-летнего различия в возрасте представителями старших и младших страт VI поколения заметно смягчится, хотя в коммуникационном отношении старшим будут всегда оставаться «близки» младшие представители V поколения социологов, а младшим — старшие VII поколения. Это — общее правило для всех профессионально-возрастных страт работников нашего цеха.

К настоящему моменту проведено 21 интервью с социологами VI поколения; замечу, это столько же, сколько с представителями I (8 человек) и II (13 человек) когорт. Но если с учеными этих двух групп, в значительной степени определивших становление современной советской и постсоветской социологии, биографические интервью активно проводились в 2005–2009 годах, то изучение траекторий жизни социологов VI и VII поколений — лишь начинается. Хотя уже сейчас многое в VI поколении уже определилось. Среди тех, с кем проведены интервью, семеро имеют степень доктора социологических наук, 12 — кандидаты социологических или политических наук, двое — без научных степеней. Все эти ученые, что легко заметить из информации об их месте работы, вносят существенный вклад не только в исследование современных социальных проблем российского общества, но и в подготовку социологических кадров; среди них — значительная часть обладает званиями профессора или доцента, являются заведующими кафедрами, входят в состав руководства факультетов соци-

ологии и редколлегий социологических журналов. Исследователи этого поколения играют заметную (если не ведущую) роль в изучении общественного мнения в России.

Этот отряд социологов активен во многих старых и новых, столичных и региональных социологических структурах. География жизни и работы моих собеседников достаточно широка. Москва и Санкт-Петербург, Урал (Екатеринбург), Сибирь (Красноярск, Сургут и Тюмень), Комсомольск-на Амуре, Ставрополь, Белгород. Таким образом, появляется перспектива не только для прослеживания жизни старых социологических школ (Екатеринбург, Самара и Саратов, Тюмень), но и для рассмотрения процессов становления новых региональных научно-исследовательских и образовательных центров.

Предварительное изучение содержания интервью с Романом Абрамовым и воспоминаний других представителей его социологического поколения, позволяют отнести Романа к относительно небольшой группе этого сообщества, в жизненных траекториях которых яснее, чем в других интервью просматриваются, как мне думается, некоторые характерные для этой общности линии развития, тренды, требующие особого историко-социологического изучения. А точнее, — футурологического. Можно предположить, что члены этой группы уже в ближайшие годы могут образовать интеллектуально-коммуникативное «ядро» своего поколения и стать важным элементом в системе связи между различными поколениями российских социологов. Обозначу реперные точки развития Абрамова-специалиста.

Детство и юность: «запойное» чтение: от «Лесной газеты» Виталия Бианки (вспомнил, как я неоднократно видел гулявшего с одной или двумя собаками Бианки; во дворе большого дома, в котором он жил, располагался мой Детский сад) до рассматривавшегося «оппозиционным» журнала «Химия и жизнь». В моем понимании то был этап накопления знаний, умения как-то по-своему синтезировать различный материал, формирования первых, еще расплывчатых интересов. Могу допустить, что многое в гражданских установках Романа, в его восприятии социального мира стало следствием его любви к отечественному и зарубежному року. Правда, всегда трудно сказать, что в увлечении роком (а для старших поколений — джазом) является следствием каких-то раздумий о мире или, наоборот, рок — одна из причин последующих гражданский ориентаций. Как правило, и то, и другое.

Первый раз Роману повезло встретиться с Учителем еще в школе. То был профессор Пензенского строительного института и специалист в сфере управления Семен Давыдович Резник, у которого Роман занимался в Школе Юных Менеджеров. Связь между ними сохранилась и когда Роман учился в Пензенском строительном институте на факультете менеджмента. Скорее всего, познав смысл и плодотворность контактов с сильным специалистом и масштабной личностью, Роман и далее стремился к подобным контактам. Все было очень непросто, но в мало знакомом ему пространстве социологического образования он искал и — не случайно — нашел оптимальное решение. Сначала это был Центр социологических исследований (ЦСО) под руководством С.Е. Кухтерина (более известный как «кухтеринские курсы»), созданный В.А. Ядовым в начале перестройки в Институте социологии РАН. Затем — в МВШСЭН, или «Шанинка».

В ЦСО преподавали, по воспоминаниям Абрамова: Г. М. Андреева, С. П. Баньковская, З. Т. Голенкова, А. Б. Гофман, И. Ф. Девятко, Г. М. Маслова, В. В. Сапов, В. В. Семенова, А. Ю. Согомонов, М. Ф. Черныш, В. А. Ядов. Действительно, все – известные специалисты в своих областях науки, «команда мечты». Безусловно, то, что они предлагали студентам, было по-настоящему академическим введением в социологию. Роман следующим образом подвел итог своего обучения в ЦСО:

Что же я вынес из обучения в «кухтеринской» магистратуре? Слишком много, чтобы ответить просто. Думаю, здесь началось мое превращение из «никого», имевшего какое-то высшее образование в того, кто связывает свою профессиональную биографию с социологическими исследованиями и социальными науками. Здесь же я встретил своего Учителя в социологии – Инну Феликсовну Девятко, которая во многом предопределила мой дальнейший путь

Причем, это «превращение» произошло мгновенно, в течение месяца.

На следующий год, пройдя через серьезные профессиональные испытания и преодолев множество бытовых трудностей, Роман Абрамов поступил в Шанинку, где, как и в «Кухтеринском центре», он встретился с очень сильным составом преподавателей «новой волны». Он посещал авторские курсы Г. С. Батыгина, А.Ф. Филиппова, А. О. Крыштановского, В. В. Радаева, Б. Ю. Кагарлицкого, В. В. Вагина, Н. Е. Покровского и других преподавателей.

Далее, после защиты кандидатской диссертации, которую он готовил под руководством И. Ф. Девятко, Абрамов начал работать в секторе истории социологии ИС РАН, руководителем которого был Ю. Н. Давыдов. Одновременно, чтобы выжить, он стал аналитиком в небольшой PR-компании, занимавшейся бизнес-коммуникациями, консалтингом, event-managment, рекламой, исследованиями и прочими аналитически-организационными услугами для бизнеса.

Так получилось, что когда значительная часть этого вводного текста была завершена и мне потребовалось проверить свое предположение о характере, стиле работы моего собеседника, я обнаружил, что наш долгий разговор не охватил прошедшие полтора десятилетия жизни Романа. Я попросил его закрыть этот пробел, но при этом у меня было ощущение того, что где-то вскоре в этом рассказе я обнаружу, что его исследования приобретают явную биографичность. Что в данном случае обозначается словом биографичность и почему у меня возникла названная гипотеза?

Под биографичностью творчества социолога понимается его обращение к своему жизненному опыту как предмету и объекту изучения. Безусловно, это обращение может иметь разные формы, относиться к событиям разной удаленности в жизни человека, может быть навеяно разными обстоятельствами и мотивами. Приведу несколько примеров.

Исследование А. Н. Алексеева, освещенное им в книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», построено на дневниках и документах, отражавших окружавшую его производственную ситуацию, когда он работал станочником-наладчиком на одном из заводов Ленинграда. Изучение отношения рабочих к труду, завершено ставшей классической книгой «Человек

и его работа», отчасти было обусловлено тем, что В. А. Ядов вынужден был уйти из аспирантуры ЛГУ и работать на заводе в бригаде рабочих. Его обвинили в том, что при поступлении в партию он скрыл тот факт, что незадолго до войны из партии был исключен его отец. В действительности он этого и не знал. Книга А. Г. Здравомыслова «Немцы о русских на пороге нового тысячелетия», содержащая анализ серии интервью, проведенных с им с немецкими интеллектуалами, была навеяна его еще детскими и юношескими воспоминаниями о драматических годах пережитых им в блокадном Ленинграде и госпиталях в военные и первые послевоенные годы.

Теперь – о причинах возникновения указанной гипотезы. Их – три.

Во-первых, по-видимому долгий процесс интервьюирования, неоднократное прочтение воспоминаний, позволили мне заметить, как обогащался жизненный опыт Романа, как накапливалась его биография. Во-вторых, еще в самом начале нашей беседы, когда Роман описал историю родительской семьи, я обратил внимание на дотошность его изложения. Так пишут люди, не безразличные к прошлому семьи, к своим корням. Более того, относительно недавно некоторые события жизни семьи были проанализированы им и изложены в серии публикаций. В-третьих, подходя к концу интервью я спросил Романа о стиле изложения им событий своей жизни, который я назвал «Биографией в контексте повседневности». В моем понимании это означает, что автор с той или иной регулярностью возвращается к прожитому, пытаясь как-то упорядочить свои впечатления. Наконец, Роман – профессионально работает в области истории социологии, а это означает, что и собственный жизненный опыт автоматически подвергается им лично-историческому анализу.

Другими словами, биография как осмысляемый опыт оказывается у Абрамова в оперативной памяти, это и давало мне основание увидеть воспоминаниях о прошедших годах этого столетия указание на биографичность проводимых им исследований. И вот, читая присланное, я нахожу: «Где-то с 2008 г. у меня появились публикации, посвященные социальной памяти, ностальгии, и особенно ностальгии по позднему советскому периоду. Эта тема возникла в связи с личным интересом к семидесятым годам в СССР...».

Конечно, этого могло и не произойти, но вероятность того, что обнаружилось, была немалой.

Абрамов Р. Н.: «До моей поездки в ИС РАН я почти не видел “живых” социологов»

Роман, еще раз спасибо за согласие рассказать о себе, о своей работе. Вы принадлежите, к тому поколению российских социологов, которое я очень мало знаю. И не только потому, что между нами заметная возрастная разница, но потому, что Вы как профессиональное сообщество стали складываться, когда я уже жил в Америке. Я не встречался с вами в аудиториях, на конференциях, мало читал. Так что есть, о чем Вас поспрашивать.

Сайт «Вышки» дает информацию о Вашем образовании, карьере, научных интересах, об этом мы и поговорим. Но начнем с начала. В целом и по понятным причинам Ваше поколение лучше знает историю своих семей, чем предыдущие. Что Вы можете рассказать о своей семье? Настолько далеко, или глубоко Вы с знакомы с ее прошлым?

Борис Зусманович, не уверен, что мое поколение лучше знает историю своих семей, чем предыдущие¹. Дело здесь не только в том, что предыдущим поколениям, жившим в непростые времена революций, войн и репрессий приходилось осваивать искусство забвения, а более молодым, кажется это искусство уже не столь необходимо. Применительно к моему поколению, полагаю, что заботы текущего дня отвлекают от занятий прошлым своей семьи. Также я тут согласен с А. Ассман², которая утверждает, что наряду с тем, какие возможности сегодня открываются для сохранения коллективной и социальной памяти, всё-таки есть и горизонты забвения, обычно составляющие ретроспективу в три поколения, то есть порядка 100–120 лет. После этого устная история семей стирается и остаются либо краткие чернильные записи в метриках и в пожелтевших официальных бумагах, либо фотографии, с которых на тебя смотрят одетые в старомодное платье люди, с которыми идентифицировать себя довольно непросто, если не обладаешь богатым историческим воображением.

Признаться, сам я не занимался специально генеалогией нашей семьи — не сидел в архивах и не искал материалов, касающихся её истории. Возможно, в будущем я займусь этим плотнее. Впрочем, бабушка с маминой стороны говорила, что её старший брат, инженер-конструктор мостов, обладавший педантичным складом ума, какое-то время в 1970–80-е гг. пытался проследить историю семьи и кажется добрался то ли до начала, то ли до середины XIX века. Сам я результатов этих изысканий не видел.

Попробую, однако, сжато изложить то, что я знаю из рассказов родных и близких. Судя по всему, относительно предков по отцовской и по материнской линии с известной долей достоверности можно утверждать следующее: и те и другие происходят из различных районов Поволжья, и обе линии уходят корнями в крестьянство, которое революционные и модернизационные бури 1910–20-х гг. заставили изменить свой образ жизни — стать служащими или рабочими, переехать в другие местности, осесть на городских окраинах.

¹ Работа над этим интервью началась в начале лета 2014 г. и была завершена 30-го сентября 2015 г.

² Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014.

Мой дедушка по материнской линии был квалифицированным рабочим, который начал работать с четырнадцати лет на оборонном предприятии Пензы во время ВОВ — делал снаряды и мины. По рассказам было голодно — почти каждый день в холодных цехах Пензмаша находили одного-двух замерзших и умерших от голода подростков из числа эвакуированных и прикрепленных к местным ремесленным училищам. В какой-то момент и семья дедушки оказалась на грани смерти — потеряли карточки, родители начали пухнуть от голода. Выручили соседи по улице (жили в частных домах в Терновке у железнодорожного полотна) — дали в аренду немецкую швейную машинку Зингер и материал для шитья простейшей обуви, тапочек, которые хорошо продавались на рынке во время острого товарного дефицита военной поры. Эта машинка была затем выкуплена родителями дедушки и перешла в наследство моей маме, которая использовала её в молодости, а я помню, как играл паропанковских чугунных джунглях ножного привода, будучи совсем маленьким. Потом эта машинка долго стояла в сарае как почти единственный свидетель семейной истории и недавно мы сделали из её станины рабочий стол. Такое вот наследство. В моем детстве дедушка работал в НИИФИ (Научно-исследовательский институт физических измерений), где конструировалось и делалось что-то очень деликатное и секретное, связанное с оборонкой и космосом. Помню, что в середине 1980-х гг., накануне перестройки, дед сетовал, что к ним не идут молодые рабочие, хотя институт и экспериментальное производство принадлежали ВПК со своими преимуществами в заработной плате и престиже. Уже тогда советская индустрия ощущала кадровый голод, связанный с глубинными трансформациями позднего советского общества и кризисом советской модели профессионализма.

Родители дедушки переехали на окраину Пензы из области в конце 1920-х гг. вместе с началом коллективизации: по рассказам, в какой-то момент прадед стал даже председателем сельсовета в начале-середине 1920-х гг. — романтический период коммун, но после того как их дом был обстрелян из винтовок в начале коллективизации, семья решила, что бедная, но спокойная, по возможности жизнь, лучше чем любые должности, и покинула сельскую местность. Прадед устроился железнодорожным рабочим, бабушка сидела с детьми.

Моя бабушка по маминой линии в конце 1940-х гг. переехала в Пензу из Куйбышева по распределению после окончания финансового техникума. Её семья жила в области — районном центре Большая Глушица, что расположен на реке Малый (кажется) Иргиз и где я никогда не бывал, хотя по рассказам, там остались некоторые родственники. Прадед прошел Первую мировую солдатом и гражданскую, бойцом Красной Армии. Прабабушка в Гражданскую мигрировала по стране — кажется даже добралась со старшими детьми до Ташкента (сразу вспомнилось «Ташкент — город хлебный»). Обычная история того времени.

После окончания войн семья собралась в Большой Глушице, где родилась моя бабушка. С начало коллективизации наступил голод — поволжская степь, сушь. По рассказам бабушки спас ситуацию самый старший брат, уже тогда учившийся в сельскохозяйственном, кажется, техникуме. Привез мешок чего-то съестного. Крупы? Картошки? Зерна? Память не сохранила. Это позволило выжить. Коллективизация — призывы вступить в колхозы и «добровольно-принудительная» запись туда. Отдают единственную корову в колхозное стадо. Прадед приходит и смотрит, в каких ужасных условиях она там содержится,

и выходит из колхоза. Корова погибает вскорости. Прадед поступает в сапожную артель — остатки НЭПа в виде артелей сохранились до хрущевского времени. Поскольку Большая Глушица райцентр, то есть возможность стать не колхозником, но рабочим. Фотографии прадеда то ли конца тридцатых, то ли начала сороковых — сухой темноволосый человек с чаплинскими усиками модными в двадцатых, в толстовке держит в руках раскрытую газету. Прямо репрессии семью не затронули — кажется кого-то из более дальних родственников. Но помню воспоминания бабушки, что одного из старших братьев в начале тридцатых знакомые предупредили, что нужно ждать гостей из ГПУ и тот сразу уехал в какое-то дальнее село к другу, где проработал в местной школе учителем около года. Тактики уклонения.

Еще бабушка говорила о том, что в учебниках, по которым она училась в конце 1930-х — начале 40-х, были замазаны фотографии «врагов народа» из числа военной и партийной советской элиты.

Война. Где-то лежит фотография старшего брата бабушки, Ивана — подпись на обороте «21-е июня 1941 года». Темный двубортный костюм с типичными значками того времени — что-нибудь вроде ворошиловского стрелка или парашютиста. Белая рубашка с воротником, выпущенным на лацканы пиджака. Ясный умный взгляд, пробор. Накануне школьного выпускного. Воевали двое старших братьев. Все вернулись целыми, хотя были на передовой и даже кто-то в морском десанте. Ранены. Кого-то на два года задержали в войсках в Германии после войны: помню фотографию двух подтянутых старших сержантов в парадной форме на фоне немецкой природы и бутылочного горлышка протестантской кирхи на заднем плане. Трофеи? Никаких. По рассказу бабушки кто-то из братьев вез аккордеон, но и тот по пути украли в поезде. После войны — учеба в вузах, семьи, переезды в разные регионы страны.

Прадед тоже был призван, несмотря на возраст — куда-то в тыл. Прабабушка осталась одна с детьми — моя бабушка старшая: тринадцать лет в 1941-м г. Что-то выращивали, прабабушка ездила на рынок в Куйбышев, меняла что-то на что-то. Выживание. Но голода не было, только недоедание и крайняя бедность. Всё же полусельская местность имела преимущества в выживании.

Вернемся, однако, к истории бабушки. Итак, окончив финансовый техникум она получает распределение в Пензу. По её отзывам, тогда это был очень провинциальный город — частный сектор, огороды, небольшие заводишки, многие из которых появились только в войну. Терновка тогда — не Пенза, но самостоятельный поселок в пригород, ставший рабочей слободкой вместе с превращением галетной фабрики в крупный оборонный завод. Сначала работала налоговым инспектором. Видел фотографии, где её коллеги-подруги в полувоенной форме финансового ведомства с петлицами — сталинское увлечение униформой в сороковые. Кажется, он планировал и ученых одеть в мундиры. Но бабушка не смогла долго работать налоговым инспектором — жестокая налоговая политика Сталина после войны приводила к тому, что у колхозников забиралось последнее. Бабушка говорила, что её просто убивало, что нужно брать натуральный и денежный налог с людей, у которых буквально ничего не было. Так что она максимально быстро, в течение года перевелась простым служащим в местный финотдел, где и проработала более тридцати лет до выхода на пенсию. Тогда финансовые служащие были одной из низкооплачиваемых категорий

работников — их заработные платы стали расти в середине восьмидесятых, когда бабушка уже была на пенсии. В семидесятых её зарплата не превышала 90 рублей, насколько я знаю. Четырех-пятилетним ребенком я несколько раз бывал у нее на работе в двухэтажном доме из силикатного кирпича с темными дощатыми полами, запахом канцелярии и каким-то даже уютом старомодного учреждения. Помню, что какие-то бланки хранились в крашенном кованом сундуке, который неизвестно когда и при каких обстоятельствах попал в финотдел.

Смерть Сталина бабушка встретила молодой женщиной, имеющей по тем временам неплохое образование, и я спрашивал её, как она отнеслась к этому событию. Она вспоминала, что многие плакали и сильно переживали о будущем, но она чего-то особенного не почувствовала — ну придет кто-то другой, да и особенно веселой и благополучной жизнь, по её мнению не была, чтобы столь сильно переживать по поводу кончины вождя. К Хрущеву она относилась, пожалуй, лучше всего из всех советских руководителей. Тут сказывался и заметный рост качества жизни в годы оттепели и, видимо, прекращение Большого страха, висевшего над каждым в сталинский период. Через её работу проходили все экономические новации хрущевской поры, и она со своей совсем низкой должностной позиции, рассуждала так, что провал хрущевских реформ был связан с его непродуманной политикой в отношении личных крестьянских хозяйств (запрет и ограничения на личные огороды, запрет держать личный скот в пригородных сельских зонах и другие попытки борьбы с «частнособственническими инстинктами») и в его странных решениях в виде насаждения кукурузы и проч., что привело к продуктовому кризису в 1962–63-м гг.

Моя мама родилась в Терновке (тогда ближайший пригород, а ныне район Пензы), где до второй половины шестидесятых жило три поколения семьи в тесном деревянном доме. Её детство прошло среди частного сектора и рядом с большим железнодорожным узлом. В 1967-м году дом снесли и семья переехала в центр города в шестиподъездную панельную пятиэтажку, где получила двухкомнатную квартиру на первом этаже. Примерно тогда же были куплены холодильник «Полюс», телевизор «Рекорд» и современная мебель, лак на которой покрылся паутиной трещин на морозе во время переезда и все остальные годы сервант и платяной шкаф имели вид несколько винтажный. И холодильник и телевизор я помню очень хорошо — с первым бабушка не расставалась всю оставшуюся жизнь, и он стоял в прихожей, даже когда появился новый холодильник в конце 1990-х гг., а телевизор перевезли в конце концов на дачу, где я даже пытался его смотреть в конце 1980-х гг. Впрочем, это не значит, что ностальгический миф о «вечной советской технике» соответствует действительности: по словам бабушки, холодильник пришлось отдавать в ремонт через несколько месяцев после покупки, а в телевизоре всё время меняли лампы и его чинили даже на моей памяти.

В отрочестве у мамы проявились серьезные проблемы с сердцем, и она даже пропустила один учебный год в школе. После окончания школы поступила в заочный финансовый техникум, вышла замуж, и вскоре родился я. Работала она экономистом и старшим экономистом на ремонтно-монтажном предприятии (РМК — ремонтно-монтажный комбинат), принадлежащем системе потребительской кооперации (Потребсоюз). Те, кто знают устройство советской экономики, понимают, что потребсоюзы относились к одним из самых богатых и процветаю-

щих структур: имели собственную развитую систему торгово-закупочных предприятий и были параллельной системой советской торговли с довольно широкой управленческой автономией. В условиях растущего товарного дефицита принадлежность к потребкооперации означала доступ к дефицитным товарам и продуктам и, соответственно, наличие широких социальных связей из-за возможности «доставать» эти товары и продукты. Помню, что в начале 1980-х гг. головной офис Потребсоюза располагался в центре города и был самым современным и хорошо оборудованным, выполненным в стилистике брежневского номенклатурного модернизма зданием. Впрочем, в каждой подобной системе есть свои периферийные элементы, которым не достаются имеющиеся ресурсы и возможности. Таким был и РМК: сервисное предприятие, обслуживающее торговые и производственные точки системы потребкооперации по всей Пензенской области. Это были хлебопекарные цеха в райцентрах и крупных селах, магазины, колбасные цеха, заготконторы, где устанавливалось торговое оборудование, холодильные камеры, печи, пожарная сигнализация и проч. Всё это нуждалось в установке, отладке, ремонте, текущем сервисном обслуживании, обновлении. Соответственно, РМК был главной организацией, чьи представители были ответственны за это. Однако, поскольку комбинат не накапливал и не распределял продукты и товары повседневного спроса, то и доступа к «дефициту» работники предприятия не имели. Такой вот, не очень любимый пасынок богатой торговой семьи.

В детстве мама брала меня несколько раз на работу, и это было событием. Во-первых, РМК находился на окраине города, и добираться до него было делом непростым: сначала в переполненном автобусе, забитым рабочими и инженерами Пензамаша, затем через железнодорожные пути вглубь района Терновки, пользовавшегося славой местного криминального Гарлема. То есть я получал массу впечатлений уже по пути на работу. Во-вторых, сам комбинат представлял собой сложноорганизованное пространство, в котором одновременно, располагался небольшой механический цех с довольно старыми станками, большой склад, где хранилось всё – от щелкающих тумблеров до крупных частей промышленных печей и проч. Также сама территория была заставлена полуразобранными грузовыми автомобилями и погрузчиками, где можно было посидеть в кабине, покрутить огромный черный эбонитовый руль ГАЗ–51 и летом ощутить смешанный запах пыли, коричневого дерматина сидений, старого машинного масла и раскаленного железа. Запах гаража. На втором этаже главного здания была контора – бесконечные стены встроенных шкафов с бесконечными пустыми и заполненными бланками и канцелярскими папками, полированные столы, пишущие машинки «Ятрань» и «Башкирия», на которых можно было вволю постучать. В большом, зарешеченном «солнышком» окне тяжелый куб кондиционера. Цветы в горшках. Перерыв на обед и поход в столовую одной из соседних организаций – это были автобазы, которые имели возможность организовать свои столовые.

Насколько я понимаю сейчас, организации вроде РМК, представляли собой мелкий и непрестижный планктон советской промышленности. Они не были производствами в собственном смысле этого слова, но они и не были уважаемыми учреждениями или институтами. Подчиненные, всегда и всё получавшие по остаточному принципу, с отсутствием возможностей для карьеры и роста заработной платы, они находились на заднем дворе советской экономики и слу-

жили прибежищем тех, кто по тем или иным причинам не мог или не хотел быть встроенным в большие заводы, оборонные предприятия или куда-нибудь еще. Плюс характер деятельности большинства работников не предполагал сидения в конторе или пребывания в цеху на глазах у начальства, а непрерывные разъезды по городу и райцентрам и значительную автономию в выполнении работы. Мама, конечно, в основном сидела в центральной конторе или ездила в областное управление Потребсоюза и статистической службы сдавать разнообразные отчеты. С небольшим перерывом на работу в качестве страхового агента мама проработала в РМК до 1997 года. Рыночные реформы взорвали и сложившуюся систему потребкооперации и обанкротили сам комбинат.

Теперь можно перейти к тому, что я помню о своих корнях по отцовской линии. Это были крестьяне Саратовской губернии, принадлежавшие к одному из староверческих толков — беспоповцам кулугурам. В конце 1920-х гг. на фоне очередной волны голода в Поволжье многочисленная семья снялась с мест и поехала из степной засушливой зоны туда, где хотя бы росла трава. Поезд остановился станции «Танеевка», и в результате семья обосновалась в Мокшанском районе Пензенской области — часть в селе Лопатино, часть в крупном селе Царевщино, часть в небольшой деревне Малиновка (ох уж эти архетипические названия сел России и Украины...). На сельском кладбище под Царевщиной можно найти целый ряд захоронений Абрамовых, начиная от моих прапрадеда и прапрабабки, которых я уже не застал.

Также как и не застал остатков быта кулугуров — за время революций, войн, переездов и всех этих перемен привычки и религиозная основа жизни староверов подрастерялась и позабылась. По рассказам отца его тетка хранила эти традиции и сама выполняла роль старосты и чтицы, у которой изба напоминала избу старушки из фильма по распутинской повести «Прощание с матерой»: книги, староверческие иконы и т.п. По смерти отцовской тетки всё это было растащено односельчанами и куда-то пропало. Осталась старая церковная книга, истрепанная, без обложки с рассыпающимися от ветхости страницами, да какие-то части медного складня.

И бабушка и дед по отцовской линии всю жизнь прожили в селе, работали в колхозе: дед механизатором, бабушка на ферме. Перерывы были связаны с войной — дед прошел и финскую и Великую Отечественную, откуда вернулся благополучно. Был членом коммунистической партии, но вряд ли сильно рефлексировал об этом — он был просто работающим и работающим человеком. И, уже, будучи на пенсии, в возрасте далеко за восемьдесят, помогал нам в тяжелые девяностые сажать и копать картошку на большом огороде рядом с деревенским домом. Стал терять память года за три до кончины, но продолжал умело и с желанием работать по дому: пытаться колоть дрова, копать и т.п.

В связи с темой ветеранов и празднования Дня Победы помню как утром 9-го мая 1995 года мы строим: он, отец и я копали огород под картошку на небольшом поле в низине. Мимо проезжал тупоносый бело-синий полосатый автобус на базе ГАЗ–53, собиравший ветеранов войны и труда на праздник в более крупное село — Царевщину. Дед не поехал, да и как-то даже не обратил на это внимания, занятый своим привычным делом. Вообще я ни разу не видел, чтобы он надевал медали и единственный орден Красной Звезды. Также и почти не слышал воспоминаний о войне: только уже за год-два до смерти он стал возвращаться в то

время — что-то говорил о трофейном мотоцикле, на котором они катались где-то в Венгрии и проч. Как там, у Гюнтера Грасса — луковица памяти обнажала новый слой. Машины у них не было — только старый, перелатанный и многократно перекрашенный мотоцикл «Иж—Юпитер» с люлькой, будучи уже подростками, братья гоняли на нем по окрестностям.

В деревне я бывал нечасто и не очень подолгу. Будучи городским ребенком, не очень любил деревенские неудобства и отсутствие привычных дворовых друзей. Хотя то, что у Довлатова в «Заповеднике» иронически называется «псковские дали» вполне впечатляло — холмистые перелески, поля, пылящий где-то по проселку, на кромке горизонта ЗИЛ. С двоюродными братьями активно осваивали захудалое уже тогда, и полузаброшенное в начале-середине 1980-х гг. совхозное хозяйство — вросшие в землю гусеничные трактора, почти новые, но сломанные комбайны, сеялки и веялки у длинной беленой кузни, недостроенный коровник с брошенными сотнями пластмассовых ковшей автоматических поилок, весы для взвешивания автомобилей с зерном. Все это год от года приходило в запустение, и очередной недострой, или новый, но брошенный комбайн были печальным символом запоздалых судорожных попыток советской экономики возродить сельское хозяйство посредством малоосмысленных, но щедрых вливаний, которые уходили в никуда. Думаю, что эти детские игры в советских сельскохозяйственных abandoned spaces как-то предопределили и мой социологический интерес к этой теме.

Да и в целом село пустело — закрылась школа, старики умирали или переезжали в город, алкоголизм добивал молодых и трудоспособных. К середине 1990-х на заброшенных полях стала появляться молодая поросль леса из семян, занесенных туда ветром. Кажется, только в последние годы частично возникли признаки оживления в формате агробизнеса — появились посеы льна и других культур, выращиваемых на нужды медицины и промышленности.

Папа переехал в Пензу после службы в армии. Окончил профессиональное училище — стал сварщиком, сначала работал на стройке, затем в обкомовском гараже, куда его устроил старший брат — преподаватель местного сельскохозяйственного института, этого пажеского корпуса и института благородных девиц для детей сельского и райцентровского начальства — главных агрономов и бухгалтеров совхозов, председателей колхозов, вторых и третьих секретарей территориально удаленных райкомов. В начале восьмидесятых заочно окончил этот же институт и отец, выучившись на инженера-механика. Примерно тогда же, в 1982 году, благодаря некоторой смелости и настойчивости отца, родители, после многих лет стояния в очереди, получили скромную двухкомнатную квартиру на Западной Поляне³. Затем, в восьмидесятые, многократно менял работу — в основном был инженером-механиком в различных автоколоннах и на автобусах, довольно долго работал в местном ипподроме, где был собственный парк автомобилей и тракторов. Я бывал в этих организациях, которые тоже относились скорее к периферии советской экономики — одно-двухэтажные неприметные конторы и ремонтные цеха из серого силикатного кирпича, грузовые и легковые автомобили, люди в робах, испачканных в машинном масле и солярке. Мужской

³ Историю этого дома и получения квартиры в нем я описывал для медиапроекта «Западная Поляна» серии публикаций в пензенском еженедельнике «Улица Московская». Абрамов Р. Прогулки по Западной Поляне. Западнополянский форпост урбанизации//Улица Московская. Еженедельная газета, июль 2011, №400, с.14–15, http://www.ym-penza.ru/components/com_dacatalogpdf/files/400_15_07_2011.pdf

мир. Несколько раз, для поездок в деревню и просто покататься, папа брал служебные «Волги» («ГАЗ–24» с трогательными белыми занавесочками на заднем стекле, оберегавшими покой каких-нибудь инструкторов горкома или обкома.

Папа и сегодня умеет с нуля (начиная от сборки двигателя и до сварочных работ) собрать автомобили советских серий – «Волгу», «Ниву» и т. п. С распадом СССР, когда почти все автобазы и автоколонны развалились, а от ипподрома тоже оставалось одно название, папа был рабочим одной из первых частных мебельных фабрик в Пензе, занимался промышленным разведением карпов, был приемщиком цветного лома, руководителем транспортного цеха в муниципальной организации и т.п. Потом перешел на местный машиностроительный завод, где работал в металлическом цеху и сейчас вышел на пенсию⁴, не так давно увлекся охотой.

Вот, наверное, то, что я могу сказать о своей семье и её корнях. Обычные судьбы обычных людей, которые оказывались в водовороте истории на протяжении непростого двадцатого века. В основном они стремились избежать этих поворотов, через уклонение от сильного вращающегося в государственную или политическую системы: кроме дедушки по отцовской линии никто и никогда, несмотря на уговоры, не вступал в партию, начальственных карьер тоже избежали, как и серьезного материального благополучия. Очень простые биографии.

Прекрасно, Роман. Как Вы пишете: «Очень простые биографии», однако к «порогу» Алейды Ассман Вы подошли и справедливость моего наблюдения о том, что Ваше поколение лучше знает историю своих семей, чем предыдущие, мягко подтвердили.

Жду продолжение истории Вашего рода, в которой Вы уже будете субъектом деятельности. С такой же «крестьянской» обстоятельностью, пожалуйста, опишите школьные годы.

Думаю, что трудно во мне разглядеть «крестьянскую обстоятельность», потому что с крестьянским трудом я сталкивался на даче и в редкие наезды в деревню, а так был типичным «городским ребенком». В 1982-м году я поступил в первый класс средней школы г. Пензы № 58. Школа находилась в типовом панельном трехэтажном корпусе и была открыта лет за пять до начала моего обучения. Выбор школы был обусловлен её близостью от дома, и тем, что по пути мне не нужно было переходить дорогу с оживленным автомобильным движением. Дорога занимала буквально 7–8 минут пешком.

В Пензе тогда было несколько школ, которые считались по-настоящему престижными и где обучались преимущественно дети партийно-хозяйственной номенклатуры и верхнего слоя интеллигенции – школа №1 находилась в большом старом здании бывшей женской гимназии, и в ней начинал свою учительскую карьеру отец Ленина И. Н. Ульянов. Соответственно, это была самая престижная школа по составу учеников и т.п. Далее следовала английская школа №6, которая также отличалась не только редким тогда языковым профилем, но и общим высоким качеством обучения. Были еще несколько неплохих школ в районах, где преимущественно жил советский средний класс и ИТР. Моя школа

⁴ На основе включенного наблюдения за рабочими-металлургами этого цеха у меня несколько лет назад вышла публикация. см. Абрамов Р. Н. *Металлурги на машиностроительном заводе: очерк профессиональной культуры* // В кн.: *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности* / Науч. ред.: П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2012. С. 153–174.

не входила в «топ-лист» лучших, но и не считалась «плохой». К тому же незадолго до начала моего обучения директором школы стала амбициозная учительница математики Г. Ф. Пьянова, которая стремилась быть в фарватере модных тенденций в сфере школьного образования и набрала неплохой пул педагогов.

Состав учащихся моей школы был разнородным — дети рабочих, живших в близлежащих пятиэтажках и частном секторе, дети хозяйственных руководителей средней руки, дети ИТР и даже профессуры, которая жила в трех белых девятиэтажках с квартирами улучшенной планировки, построенных в одно время со школой. Таким образом, за весь период обучения в школе мне приходилось быть свидетелем жестоких драк, силовых атак на учителей, хулиганства, находящегося на грани с преступлением, но также найти хороших друзей, увлекавшихся литературой, историей, музыкой, фотографией.

Почти всё время обучения в школе я либо слышал бесконечные разговоры по радио и телевидению о «школьной реформе», либо сам был объектом реформ школьного образования в позднее советское время. Даже при моем поступлении в первый класс шли активные споры относительно возраста, когда можно идти — кажется, за год до этого разрешили поступление в первый класс с шести лет, а насколько мне помнится, до этого в школу поступали с семи или даже восьми лет. В результате я пошел в первый класс в шесть лет, но поскольку мой день рождения в конце года, то буквально спустя пару месяцев мне исполнилось семь. Позже произошел переход на одиннадцатилетку и поэтому из седьмого класса я и мои одноклассники перескочили сразу в девятый. Что еще? В перестройку на волне педагогического новаторства и оптимизма, началось введение профильных классов — я два года отучился в так называемом «гуманитарном» классе, куда собрались в основном, середнячки-бездельники и некоторые школьные хулиганы, а после девятого класса перешел в «математический», куда собирались просто те, кто был более прилежен в учебе. Был еще, так называемый, класс «выравнивания», куда собрали отпетых двоечников и хулиганов, и дальнейшая судьба многих из них после окончания «девятилетки» оказалась незавидной — иных уж нет, а многие другие находятся на социальном дне.

В математическом классе у нас были дополнительные занятия по высшей математике, которые проходили в виде так называемых «нулевых уроков» (представьте себе начало урока геометрии в 7:30 утра где-нибудь в темном ноябре, когда не то чтобы геометрия в голову не идет — простая мысль о том, чтобы встать и куда-то идти в такую рань внушала ужас) и еженедельного факультатива, который вел молодой выпускник математического факультета МГУ, работавший в каком-то из местных НИИ полусекретного профиля. Не уверен, что я проявил серьезные способности к точным наукам: из всех школьных предметов на почти всем протяжении обучения, у меня лучше всего было с историей, литературой и, отчасти, почему-то с биологией. Химия шла совсем туго, и во многом благодаря друзьям, хорошо в ней разбиравшимся, с которыми в разные годы я сидел за одной партой. В физике случались редкие неожиданные «ньютоновские» озарения, но счастливые яблоки нечасто падали на мою голову.

Период моего школьного обучения символичен — начался он смертью Брежнева и завершился распадом СССР и началом «гайдаровских» рыночных реформ в 1991–92-м гг. В букварях, которые мы получили первого сентября в школе, на одной из последних страниц был помещен цветной портрет

Брежнева. Во время похорон и траура по случаю смерти генсека из некоторых школьных классов в коридор были вынесены черно-белые телевизоры, откуда шла траурная музыка. Кажется, один день мы не учились, и я смотрел похороны, а потом выбегал в подъезд или даже на улицу, чтобы послушать траурные гудки с находящегося неподалеку депо Пенза–1. Через два-три года, когда «гонки на лафетах» станут привычными, мы уже не смотрели трансляцию похорон, а просто шли гулять, поскольку иногда эти дни объявляли в школе выходными. Ретроспективно мне кажется, что советский мир моего детства был таковым, что сквозь декорации ветшающей реальности уже проглядывали контуры чего-то другого, а лучше сказать так – ощущение чего-то блеклого, ветхого, потертого как изображение фильма, снятого на не очень качественную пленку Шосткинского объединения «СВЕМА», оставило у меня это время. Мне кажется оно хорошо передано в некоторых поздних советских детективах вроде экранизации «Визита к минотавру» Вайнеров, сериала «Колье Шарлотты» с Ульяновым в главной роли, сериала «Противостояние» с Олегом Басилашвили и т.п. Конечно, было и яркое солнечное лето и искры белого снега в безоблачные зимние дни, но в целом это ощущение серого-синего пасмурного мартовского дня с грязноватыми и ноздреватыми сугробами и одновременно, еще холодного, но уже и почему-то душного воздуха.

Я из того поколения, которое успело в полной мере пройти сквозь настоящее «октябратское» детство и «пионерское» отрочество, а когда по возрасту подошло время вступления в комсомол, то вступать по большому счету уже стало некуда. Впрочем, мы подростки, захваченные перестроечными настроениями, и сами отказывались вступать в комсомол. Уже на самом исходе СССР – в марте 1991 года нас, старшеклассников, которые неплохо учились, собрал директор и просил вступить в комсомольскую организацию. Но тут уж нами была проявлена демократическая принципиальность и мы отказались. Для жителей столичных городов и региональных мегаполисов может показаться удивительным, что в 1991-ом еще кого-то могли агитировать стать комсомольцем в административном порядке. Но тут нужно понимать специфику Пензы и пензенской жизни – города обывательского, консервативного и всегда несколько запаздывавшего с принятием модных столичных веяний: уже в девяностые Пенза и область устойчиво входили в электоральный «красный пояс», где на выборах разного уровня коммунисты и патриоты неизменно получали массовую поддержку избирателей. Поэтому советские практики там до последнего соседствовали с появившимися кооператорами, видеосалонами и даже какими-то единичными «демократами», требовавшими больше «гласности». Так что агитационный порыв нашего директора школы по приему в комсомол тогда, когда уже вся советская система находилась на грани распада, вполне адекватен темпу пензенской жизни.

А так я еще вполне успел застать пионерскую рутину со всякими «добровольно-обязательными» мероприятиями вроде конкурсов «строя и песни», борьбы за то, чтобы отряд получил имя пионера-героя Лени Голикова, собраний пионерской дружины, сбора макулатуры и металлолома. Впрочем, собирать макулатуру и металлолом мне нравилось, как и моим друзьям, поскольку это была форма дворового развлечения и легальный способ болтаться по району и по городу, забредая во всякие заповедные места – на пустыри, территории железнодорожных и троллейбусных депо, свалок предприятий и т.п. Благодаря

макулатуре я, кстати, познакомился с легендарным журналом «Химия и жизнь». Собирая макулатуру, мы обходили квартиры в своем районе, выпрашивая у её жителей, чем, думаю, им изрядно им досаждали. Так вот кто-то мне отдал тяжеленную стопку журналов – подшивку «Химии и жизнь» за несколько лет с конца 1970-х. Я принес стопку домой и, просматривая набранное макулатурное богатство, обратил внимание на яркие и неординарные иллюстрации и названия статей в «Химии и жизни». Решено было оставить подшивку себе и время от времени я перечитывал и пересматривал эти журналы, хотя в содержании публикаций понимал еще очень немного.

Тут нужно оговориться, что копаться в макулатуре в поисках чего-то для чтения меня заставляло отнюдь не скудость имевшейся в моем распоряжении газетно-журнальной продукции. Просто «Химия и жизнь» был не самым распространенным журналом, и подписаться на него было непросто, а тираж по тем временам также не был слишком большим. В целом же, в период позднего застоя и перестройки, советские люди активно подписывались на прессу. По-моему, даже алкоголики выписывали какую-нибудь «Пензенскую правду» главную официальную областную газету. Я читал и то, что выписывали родители и то, что выписывали бабушка и дедушка и то, что выписывали для меня. Попытаюсь вспомнить и перечислить. Бабушка и дедушка постоянно выписывали газеты «Труд», «Социалистическую индустрию», года два «Советскую Россию», но как-то она не пошла... Газету «Правда» дедушка выписывал год, и это было чтение на любителя – плотный казенный язык и бесконечные стенограммы пленумов. Родители время от времени выписывали «Пензенскую правду» и года два «Экономическую газету» по профилю работы мамы, в позднюю перестройку подписывались на «Аргументы и факты». В школе нас усиленно стимулировали подписываться на «Пионерскую правду», а позже – на «Комсомольскую правду». Я читал «Комсомольскую правду» перестроечной поры очень внимательно и это было действительно серьезное актуальное издание – полная противоположность того, чем стала «Комсомолка» в девяностые. С журналами ситуация была разнообразнее. Каких-то серьезных журналов, свидетельствующих о принадлежности к продвинутой интеллигенции, вроде «Иностранной литературы» родители не выписывали. Да и система журнальной подписки с её системой квот и ограничений не особенно давала такой возможности. В разные годы родители регулярно выписывали для меня «Юный натуралист», «Юный техник», «Пионер», уже в старших классах журнал «Мы» и еще что-то, что именно я забыл за давностью лет. Также мы регулярно выписывали «Вокруг света» (где я впервые познакомился с творчеством С. Кинга – его повестью «Туман»), год или два «За рулем», несколько лет «Науку и жизнь» (мне этот журнал казался несколько занудным), «Эхо планеты» (два-три года после того как он стал выходить), мама выписывала «Работницу» и «Крестьянку» много лет подряд, год или два какой-то научно-популярный альманах, издаваемый обществом «Знание». Что еще? На какие-то еще журналы подписывались время от времени, но уже не регулярно. Иными словами, как многие другие «простые советские семьи», мы не оставляли почтальонов без работы, в месяц нам приносили не менее 5–6 разных журналов, 1–2 еженедельника и по одной-две ежедневных газеты. То есть мне было чем себя занять вместо просмотра фейсбучной ленты. Понятно, что в газетах доперестроечной поры было много трескучего агитпропа, но в пере-

стройку все газеты оживились, и читать их было действительно интересно. Что касается научно-популярных и подростковых журналов, то я до сих пор уверен в высоком качестве предлагаемого ими тогда контента и верстки. Даже идеологически правоверный журнал «Пионер» порой публиковал неплохую литературу вроде повестей В. Крапивина. Также у друзей я брал почитать «Технику молодежи» и какие-то еще журналы. Как я уже говорил, литературных журналов мы не выписывали как и большинство семей, откуда были мои друзья.

Раз речь пошла о чтении, то стоит поговорить и о круге моего детского чтения. Я не был вундеркиндом и в пятилетнем возрасте не зачитывался «Критикой чистого разума» или «Капиталом». И хотя читать я выучился довольно рано, но до определенного момента читать не очень любил и «отбывал» эту повинность по часам. И только примерно к середине второго класса всё изменилось. Помню, что я заболел и, одновременно, нам по внеклассному чтению был задан текст советского писателя В. Бианки, который специализировался на рассказах и повестях о природе, диких животных, охотниках. Такой, упрощенный Пришвин. Заданным нам текстом была «Лесная газета» любопытное по компоновке произведение, структурированное как подшивка газет, каждая из которых была посвящена одному месяцу года и была написана и сверстана как настоящая газета с заметками, новостями, репортажами, отделом происшествий и проч. Тут важно отметить, что мне достался экземпляр этой книжки, изданный в 1952-м году на газетной бумаге, пожелтевший, обтрепавшийся и распухший от времени. Этот экземпляр был у моего друга детства из соседнего двора. То есть это была не просто книга, но артефакт, чья материальность тоже была немаловажной в процессе чтения. Почему-то этот газетный формат зацепил меня и зачитался «Лесной газетой». С той поры чтение стало важной частью жизни.

На дворе стояли восьмидесятые и книжный дефицит был страшный. В книжных магазинах что-то стоящее можно было найти в букинистических отделах за сумасшедшие деньги (при зарплате ИТР в 170–180 руб. какой-нибудь том фантастики мог стоить 30–50 руб.), а отдел новых книг до самой поздней перестройки представлял собой грустной зрелище – какие-то третьесортные «совписы», партийные издания да книжки в духе «ЦРУ против СССР». Богатство домашней библиотеки свидетельствовало о статусе её обладателя, имевшего доступ к закрытым подпискам и распределителям. Выше я уже писал, что всего этого мы были лишены. Но родители, особенно мама, много читали и доставали книги всеми доступными способами. Какие же это были способы? Во-первых, библиотеки – я был записан в районную детскую библиотеку, откуда, например, несколько раз брал зачитанную до дыр книжку Б. Заходера «Винни Пух и все все все», которую тоже многократно перечитывал. Мама была записана в местную библиотеку неподалеку от её работы и еще одну на Западной Поляне. Во-вторых, знакомые и друзья. «Статусность» книжных собраний затрудняла получение книги на время даже от близких родственников или знакомых: все боялись, что книга из какого-нибудь подписного издания Конан Дойла, Вальтера Скотта или Всемирной библиотеки потеряется, затрется и потеряет вид. Поэтому знакомые давали книги с неохотой и на очень короткий срок. Уже в конце 1990-х и двухтысячных знаю много историй, когда наследникам приходилось разбираться с книжным капиталом, оставшимся от умерших родителей и родственников. Прекрасно изданные и отлично сохранившиеся советские подписные собрания

русской и зарубежной классики, фантастики и приключений, детективов оказывались никому не нужны, а выбрасывать их не поднималась рука. Далее. Это букинистические отделы и барахолка, где можно было иногда найти относительно недорогую книжку, правда, в сильно потрепанном виде. Именно в таком виде мне достался «Том Сойер» в издании конца сороковых, купленный родителями на барахолке. Еще что-то дарили и что-то «выбрасывали» в книжных магазинах. Возможностями сервиса «Книги в обмен на макулатуру» мы не пользовались. В целом же могу сказать, что читал я много и захлеб, и это чтение было разнообразным — от типичного приключенческого «вальтерскотта, жюльверна и дюма» до Чехова, Тургенева, Толстого Льва и Алексея. Почему-то я довольно рано прочитал «Хождение по мукам» А. Толстого и любил перечитывать эту книгу до той части, где все уже стали красными командирами и боролись за советскую власть вместе товарищем Сталиным — было видно, что «красному графу» эти главы давались с трудом... Рано увлекся Стругацкими, прочитав в третьем классе имевшееся у нас издание 1960 года «Страны багровых туч», а чуть позже в каком сборнике фантастики середины шестидесятых отрывок из «Понедельник начинается в субботу», который там назвался «Суэта вокруг дивана». Ближе к старшим классам активно читал Достоевского — особенно «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Уже в десятом-одиннадцатом классе читал Ахматову, знал о существовании Бродского, которого было не достать, и брал в местной библиотеке перестроечное издание Э. Лимонова «Это я, Эдичка». Впрочем, читал я и ныне подзабытую советскую детскую литературу 60–80-х — Алексина, Железникова и т. п. и т. д. Правда, Крапивин мне показался слишком сентиментальным и тогда я его читать не смог. С позиций исследователя позднего советского времени мне представляется, что официальная детская литература времен застоя дает вполне адекватное, хотя и приукрашенное, представление о состоянии, быте и проблемах «обычных советских людей». Это и типажи учителей, и классовое неравенство, дающее о себе знать в школе и формирование потребительского общества, из которого быстро испарялась идеология, которая всё больше выполняла роль пустого означающего.

Возвращаемся, однако, к школьному периоду и разных формах занятости в это время. Почти весь период школьного обучения я не посещал каких-то кружков, секций, и т. п., хотя многие одноклассники занимались в музыкальных школах — мой школьный друг, например, начал заниматься в музыкальной школе по классу аккордеона, затем окончил Пензенское музыкальное училище и Саратовскую консерваторию и теперь сам работает музыкантом и педагогом по джазовой музыке. Несколько раз я ходил в изостудию в областном Дворце пионеров, какую-то музыкальную секцию и куда-то еще.

Об областном Доме пионеров хочется рассказать отдельно, поскольку его строительство и открытие в полной мере отражает прогрессирующий абсурд советской жизни накануне перестройки. Во-первых, сам Дом пионеров возводился на протяжении лет пятнадцати и был типичным примером долгостроя. Во-вторых, его проект был очень оригинальным — сложная модернистская конструкция из красного кирпича с башней-обсерваторией напоминала и романтический замок, и жилой модуль первопроходцев-звездолетчиков на далекой планете из фантастики шестидесятых. Внутри тоже все было оборудовано отлично — от уже упомянутой обсерватории, и маятника Фуко до нескольких

зрительных залов и т. п. В-третьих, сам Дворец пионеров был расположен на склоне большой горы и виден из многих точек города. То есть стал украшением пейзажа. Впрочем, эту заботу о красоте ландшафта вряд ли оценили пионеры — до самого дворца было очень трудно добраться. Нужно преодолеть довольно крутой и высокий склон по дорожке-серпантину или по тропинкам напрямую. Вечером всё это плохо освещалось, зимой дул холодный ветер — короче, отдельное приключение... К тому же сам Дворец пионеров при открытии в 1985-м году получил имя К. У. Черненко и нужно сказать, что менее удачное имя было трудно придумать, поскольку согбенная фигура дряхлого предперестроечного генсека, правившего «не приходя в сознание» с трудом сочеталась с миром веселого пионерского детства. Я так хорошо знаю ситуацию с Дворцом пионеров, поскольку был невольно причастен к подготовке его открытия.

В то время в советских школах была практика «отработок» что-то вроде трудовой практики с колхозной системой трудовой. То есть школьник в течение 10–15 дней в летние каникулы должен был нести трудовую повинность — мести, убираться, красить, стричь газоны (не специальными машинами, а обычными канцелярскими ножницами, приносимыми из дома), короче, быть подсобным рабочим и дворником. За каждый отработанный день «бригадир» из учителей в специальную тетрадку ставил «палочку», свидетельствующую об отработанном дне. Такая вот колхозно-гастарбайтерская практика. Всё это продолжалось почти до конца обучения в школе, только в старших классах ездили на прополку и уборку урожая в лагерь труда и отдыха «Романтик». Совпало так, что в год открытия Дворца пионеров у нас была эта летняя практика и вместо уборки школьной территории нас перебросили на завершение подготовки Дворца пионеров к открытию. Мы там тоже разравнивали землю под газоны, мыли полы в самом здании и параллельно играли в «догонялки» носились по запутанным гулким коридорам пустого нового здания. Потом помню, что нас позвали на открытие, где было много румяных молодых людей в серых костюмах с маленькими номенклатурными комсомольскими значками на лацканах — мелких функционеров из райкома и горкома комсомола. Время от времени я бывал во Дворце пионеров уже по выходу из пионерского возраста — в девяностые там нередко проходили рок-сейшны городского масштаба.

Глядя из сегодняшнего дня, мне представляется, что мы были довольно изобретательны в своих играх среднего школьного возраста и многое делали своими руками — выпускали самодельную газету с началом детективного абсурдистского романа о стажировке северокорейского милиционера Ли Си Цина в пензенском ГУВД, делали фильмы, представлявшие собой бесконечные свитки склеенной бумаги, на которых действие изображалось в виде комиксов, записывали на аудиокассеты любительские «радиопередачи» со скетчами, музыкальными паузами и новостными выпусками, увлекались краеведением — в частности, пытались пробраться в дореволюционные катакомбы, сохранившиеся под старой частью города и в поиске материалов об этом даже записались в исторический кружок городского краеведческого музея и делали многое другое — устраивали какие-то самодельные арт-перформансы в главной городской «заброшке» гигантском здании недостроенной гостиницы международного класса. За пер-

фоманс даже угодили в местное отделение милиции, куда были доставлены на милицейском «бобике» в тесном железном отсеке для задержанных. Впрочем, в конце концов всё обошлось...

В старших классах, конечно, всё стало серьезнее или вернее казалось, что стало серьезнее — какие-то споры о литературе, увлечение «The Doors», российским роком в виде «Аквариума», «Кино», «Зоопарка», «ДДТ», «Звуков Му» и «Алисы», влюбленности, хождение на рок-концерты местных групп «Кенгуру», «Глупая девушка», «Обманутый микроб» и т. п.

Тоже очень обычная жизнь того времени, несколько безумная, поскольку приходилась на время исторического перелома, но это безумие немного сглаживалось стоячей водой пензенской провинциальной жизни. Помню, как сижу перед телевизорами где-то в мае 1987 или 1988 годов и склеиваю модель самолета фабрики «Звезда», а на экране идет трансляция какого-то партийного съезда или пленума, на котором то ли Лигачев страстно критикует Горбачева за что-то или Горбачев страстно критикует Лигачева за что-то — это уже становилось неважно, а ко времени распада СССР политика стала надоедать — дефицит, инфляция, разнообразные кризисы («табачный», «сахарный», «водочный») для жителей Пензы становились важнее того, победит ли прогрессивная «демократическая платформа» или партноменклатура в союзе с консервативными «красными директорами» оставит нас жить в «совке». Помню, что, будучи 13–14-тилетним подростком я с нетерпением ждал очередного выпуска программы «Взгляд», и горой стоял за Ельцина и демократическую платформу. А как бы поступил сейчас, если бы знал всё происшедшее потом, в девяностые? Не знаю... Понимаю только, что предперестроечная «гонка на лафетах» уже свидетельствовала о глубоком кризисе системы, кризисе, «мягкий» выход из которого был делом непростым, а может быть и невероятным.

Кстати, о ГКЧП и смещении Горбачева я узнал при вполне юмористических обстоятельствах. Стоял жаркий ленивый пензенский август, когда все думают о дачном урожае и начинают варить компоты и варенье. Я проводил время у родителей на Западной Поляне. Мама была в отпуске и, кажется, в этот день затеяла большую стирку. Я бездельничал: читал, потом пытался смотреть телевизор — там почему-то шла классическая музыка и балет. Не лучшее развлечение в жару. Друзья были где-то в городе — поскольку мобильной связи не существовало и даже городские телефоны стояли не у всех, то чтобы связаться с ними, нужно было ехать в другую часть города. Наконец, измаявшись от жары и безделья, я отправился в район, где жила бабушка, решив подстричься в парикмахерской неподалеку. И вот я сижу в кресле, девушка-парикмахер меня стрижет и одновременно разговаривает с коллегами. Я поначалу не прислушивался к их беседе, но потом вдруг различаю удивительное — повтор фразы «Горбачева сняли, Горбачева сняли» и какие-то слова о каком-то «комитете» или «чрезвычайном положении». Я подумал, что может быть ослышался и после парикмахерской сразу пошел к своему другу-музыканту узнать подробности. Он, однако, был не в курсе, поскольку весь день репетировал на аккордеоне и не радио, не телевизора не включал. В результате, все детали с ГКЧП я прояснил только к вечеру 19-го августа, узнав их от своей бабушки, которая была в курсе политических событий. Это типично пензенская реакция как на ГКЧП, так и на любые политические события — проспать и пропустить самое важное, а потом очнуться и присоеди-

ниться к победившей стороне. Именно так, кажется, поступило тогда пензенское областное и городское начальство. Обычные же люди были на работе, на дачах, в отпусках — никто не собрался у обкома партии, никто не рвался строить баррикады — ждали «чего там они в Москве решат». Знаю, что не во всех городах было так же сонно, но в Пензе именно так. А события 1993 года вообще в основном смотрели только по телевизору, уже с известной долей равнодушия. Сказывалась усталость от эпохи перемен.

Отдельно нужно сказать о событии, которое оказало определяющее влияние на мою дальнейшую биографию. В 1990 г. на волне экономических и педагогических инноваций при нашей школе было открыто любопытное обучающее учреждение с названием Школа Юных Менеджеров (ШЮМ). Его основателем был профессор Пензенского строительного института и специалист в сфере управления Семен Давыдович Резник. Я записался в эту Школу, занятия в которой проходили по субботам и занимали 2–3 пары, которые вели преподаватели пензенских вузов. Миссия школы заключалась в том, что новое поколение молодых людей должно быть готово к жизни в условиях рынка и должно быть готово стать «менеджерами» нового типа, а школа давала некоторые знания и навыки для этого. Действительно те, кто там учился узнали о существовании Дейла Карнеги и Ли Якокки, получили понимание основ экономики и т. п. Но главное, что это была неплохая подготовка к атмосфере обучения в вузе — начиная от продолжительности занятий и заканчивая стилем общения преподавателей. Плюс мы готовили «курсовые» и «дипломный» проекты — что-то вроде рефератов, также выполненных и оформленных по требованиям вуза. К тому же случилось так, что я поступил на только что открывшийся в пензенском строительном институте факультет менеджмента, так же и некоторые другие выпускники Школы юных менеджеров. Свои воспоминания об этом периоде я подготовил для книги мемуаров С. Д. Резника, которая интересна еще и тем, что дает хорошее представление о пути вузовского ученого и преподавателя позднего советского времени и периода рыночных реформ⁵. С. Д. Резника я считаю одним из тех немногих людей, которые поменяли очень многое в моей судьбе — он был тем, кто первым ввел меня в мир науки и её правил, и кто очень поддерживал меня на протяжении всего времени, пока я учился в вузе и до настоящего времени. Я очень благодарен Семену Давыдовичу, принявшему столь деятельное и важное участие в моей биографии. Другие два столь же значимых для меня человека и Учителя — Инна Феликсовна Девятко и Павел Васильевич Романов, встретились мне, уже, когда я перебрался в Москву, в конце 1990-х гг.

Вернемся к школьному периоду. В 1992-м г. я окончил школу без каких-то очень выдающихся успехов в виде золотой или серебряной медали. Помню, что это было странное время — в магазинах пустые полки, в голове учителей, да и многих других тоже гуляет ветер, гоняющий какие-то уже ненужные мысли о только что распавшейся советской системе и идеологии. Впрочем, наши учителя были больше озабочены тем, насколько хорошо мы успеем подготовиться к поступлению в институты и поэтому не сильно отвлекались на политику. Я думал куда поступать. Из моего выпуска, несмотря на то, что там были очень способные одноклассники в тот год почти никто не уехал поступать в вузы

⁵ Подробнее о моем обучении в ШЮМе и сотрудничестве с С. Д. Резником см. Абрамов Р. Н.

Быть лидером в трудные времена/Резник С. Дороги к менеджменту. О себе и окружающих меня людях, о времени и событиях. М.: Инфра—М, 2014, с.202–210.

в другие города — родители стремительно беднели, вокруг была неопределенность и беспокойство. А в Пензе выбор высшего образования был небогатый, поскольку город никогда не был значимым вузовским центром: пединститут, где присутствовал паллиатив гуманитарных специальностей в виде подготовки учителей истории и литературы, «политех» с инженерными специальностями, спрос на которые стремительно падал, поскольку всякие НИИ и КБ стали первой жертвой рыночных реформ, «сельхоз» там преимущественно учились дети сельского и районного начальства. Еще были вечерне-заочные инженерный ВТУЗ и бухгалтерский ФЗФИ. Учительница литературы, полагая во мне зачатки литературного таланта, обещала протезировать при поступлении на факультет русского языка и литературы в «пединститут», но в результате мы с родителями решили отказаться от этого варианта — тогда нужны были неформальные связи для поступления в «пед», считавшийся престижным, да и учительская стезя не впечатляла. Дядя преподавал информатику в «сельхозе» и поэтому думали поступать на экономический факультет сельхозинститута — я даже целый год ездил к репетитору по биологии и на подготовительные курсы. Но туда не прошел — то ли действительно не набрал баллов, то ли влияние моего дяди не простиралось слишком далеко и не могло перебить влияние обеспеченных родителей на приемную комиссию. В итоге, остановился на Пензенском строительном институте, где открывался факультет менеджмента под руководством С. Д. Резника. Экзамены сдал успешно и после некоторых бюрократических трений, был туда зачислен. Вот примерно так, вполне стандартно, завершился школьный период моей жизни.

Какие экономические учения и принципы менеджеризма Вам преподавали, о какой системе управления на производстве Вам рассказывали? Ведь марксовские положения вмиг были отринуты, Госплан прекратил свое существование, КПСС с ее контролем кадровой политики уже не существовало, предприятия приватизировались...

Когда я учился в Школе юных менеджеров (ШЮМ) в 1990–92-м гг, а затем на факультете менеджмента строительного института, то, конечно, настоящие рыночные реформы только начинались, хотя лозунги «перехода на самокупаемость» и кооперативное движение появилось раньше. Уже в 1988–89 гг. в Пензе работало множество кооперативных магазинов (помню вполне апокрифические название одного из них «Альянс»), видеосалонов, и площадь центрального рынка превратилась в гигантскую барахолку, где бабушки с семечками и вязаными пинетками соседствовали с продавцами джинсов-варёнок (торговая марка «Мальвина»), шуб из собачьих шкур, выдаваемых за волчьи, и зимних шапок из кудрявого бараньего меха. То есть бизнес рос, хотя и рост этот был таким, каким может быть в стране, где за несколько лет до этого активно боролись с «нетрудовыми доходами» и всерьез думали о том, как сделать так, чтобы дачники ни в коем случае не стали выращивать овощи и фрукты на продажу. В это время «кооперативного движения» райкомы КПСС с их планами очередной пятилетки и социалистическими обязательствами вполне себе соседствовали с рэкетом, первыми легальными миллионерами и модным и невиданными статусами «бизнесмена» и «менеджера».

Сейчас уже жителям крупных городов довольно сложно вообразить времена, когда книги нельзя было заказать на «Озоне» или просто скачать их электронные копии, поддерживав, таким образом, глобальное движение за свободный контент, символом которого является старый добрый Веселый Роджер. В 1990—93 гг. в провинциальных городах нужные книги приходилось добывать каким-то изобретательным способом или покупать по сумасшедшим ценам на всё той же барахолке: старая советская система книжных коллекторов деградировала, а до развитого книжного сетевого ритейла было еще как минимум лет пятнадцать.

Однако мои преподаватели каким-то образом были в курсе новинок, вышедших по теме менеджмента, экономики и бизнеса и активно рекомендовали нам эти новинки приобретать. Сначала все увлеклись чтением Дейла Карнеги с его рецептами по тому как «приобрести друзей», параллельно с этим вышла самодовольная автобиография фордовского топ-менеджера Ли Якокки, которая также была прочитана еще до поступления в институт — в Школе юных менеджеров. Менеджерская биография мне понравилась, а друзей я все-таки обретаю, не прибегая к карнеговским советам. Еще читали переводной учебник по менеджменту Хедоури и других авторов.

Уже на первом курсе института мы всем потоком рыскали по книжным базам и магазинам Пензы в поиске двухтомного переводного учебника Макконела и Брю «Экономикс» вводного курса современной макро и микроэкономики для американских университетов. Сейчас профессиональные экономисты только посмеются над этим «детским» учебником, но тогда это был настоящий прорыв после книг по «социалистической экономике».

А что же наши преподаватели управления и экономики? Были ли они хранителями знания об уходящей советской экономике или стремились познакомить нас с принципами рыночного хозяйствования на основе доступной современной литературы? Скорее второе — мои институтские преподаватели по экономике и менеджменту были в курсе новых знаний и стремились его максимально качественно преподать для нас. Тут, как мне кажется, есть заслуга основателя факультета С. Д. Резника, который стимулировал всех преподавателей к обновлению содержания их курсов. Поэтому не могу сказать, что я получил какие-то архаичные знания во время обучения в институте.

Другое дело, то реальность постсоветской экономики отнюдь не соответствовала гладким теориям «экономикса» или современного менеджмента. Эта реальность, как мне представляется сегодня, была причудливым воплощением психоделического сна «прогрессивного» советского экономиста из полуноменклатурного академического института, в голове которого фрагменты знаний и мечтаний о современной экономике и верой в «невидимую руку рынка» переплелись с марксистскими формулами о «первоначальном накоплении капитала», «обнищании трудящихся как необходимом этапе развития капитализма», «rente и прибыли» и т.п. Оказалось только, что быть участниками этого сна — не самый завидный удел.

Какие перспективы для работы открывались перед дипломированным менеджером после окончания института? Какой путь Вы избрали?

После окончания вуза мы стали дипломированными менеджерами в строительстве. Довольно бесполезная специализация в Пензе 1997 г. Большинство строительных организаций советского типа (СМУ, тресты и т. п.) разорились или влачили жалкое существование — объемы строительства снизились в десятки раз по сравнению с 1980-ми годами, когда Терновка и Арбеково стали самостоятельными огромными районами новостроек. Теперь же в районе Арбеково строился один девятиэтажный дом в течение нескольких лет. Конечно, шло индивидуальное строительство на Бугровке и в других пригородах, но его масштабы не требовали найма «менеджера с высшим образованием» бригадира-самоучки было достаточно. Так что всерьез большинство из моих сокурсников карьеру в строительной отрасли не рассматривали, хотя те, у кого родители уже занимали руководящие должности в оставшихся профильных организациях, пошли туда же на позиции клерков.

Тут нужно коротко сказать о характере функционирования рынка труда в Пензе как в позднее советское время и в 1990-е, так, наверное, и сейчас. Неформальные и родственные связи в городе и области всегда имели большое значение не только при трудоустройстве, но и во всей организации повседневной жизни в виде совместных праздников, обменов подарками и продуктами собственного огорода, ссорами за наследство, взаимной зависти из-за того, что кто из родственников купил новую машину или сделал новый ремонт и прочее и прочее. Очень семейственный город. Это касается и трудоустройства. Как-то так сложилось, что самые удобные и выгодные должностные позиции (а это работа в городской и местной администрации, банках, разного рода бюджетных организациях в 1990-е, когда сама по себе вовремя выплаченная зарплата уже была залогом выживания и т. п.) занимались людьми по личной рекомендации — друзьями, знакомыми, одноклассниками, родственниками. Исключения бывали нечастыми и подтверждали правило. При этом, конечно, масса не столь выгодных позиций более-менее находилось в свободном обороте на рынке труда и, найм осуществлялся по вполне обычным правилам. То есть система организована довольно сложно и с трудом описывается в простых терминах «клановости» или, наоборот, «меритократии» и «рыночной конкуренции». Мне импонируют работы С. Кордонского, который характеризует российское общество как «сословное». Знаю, что их часто критикуют, но, на мой взгляд, он очень точно описал характер нашей социальной структуры.

Это небольшое отступление нужно для понимания того как мои однокурсники подходили к выработыванию собственной стратегии поведения на рынке труда по окончании вуза. Большинство ориентировалось на социальные ресурсы родителей и родственников, которые думали, куда пристроить новоиспеченного «менеджера». Те, у кого ресурс был побольше, осели в муниципальных организациях и госструктурах, или бизнесах своих родственников. Остальные — кто как. Моя жена, например, по протекции родственника оказалась в некогда процветающем полузакрытом институте НИИПТХиммаш в должности бухгалтера, где проработала, сидя в плохо отапливаемых кабинетах около года и не разу не получив зарплату — такие были задержки по выплатам. Ресурса, в общем, не хватило на что-то лучшее. И только с помощью друга, работавшего в одном из местных коммерческих банков, удалось найти какую-то работу клерком низшего звена, где хотя бы зарплата выплачивалась вовремя.

Признаться, сам я не очень представлял, чем буду заниматься после окончания института. Связей у нашей семьи практически не было, и рассчитывать на какую-то стоящую должность, не приходилось. Да и я не особо задумывался — был занят личной жизнью, учебой, чтением книг, общением с друзьями и посещением рок-концертов местных команд.

За время учебы в институте перечитал много классики и современной литературы, включая фантастику. Например, гонялся за Стругацкими — тогда вышло их первое собрание сочинений, но где-то достать и прочитать его было трудно. Любовь к Стругацким у меня зародилась в детстве — у нас оказалась их ранняя книжка «Страна багровых туч», изданная в 1960-м году и меня почему-то она привлекла. Затем наткнулся на фрагменты «Понедельник начинается в субботу» классе в четвертом и потом уже искал их произведения целенаправленно. Сильное впечатление тогда произвел на меня «Град обреченный».

Ходил в библиотеку. Бывший Дом Политпросвещения (модернистский куб брежневской эпохи в центре Пензы, в котором проводились всякие партийные мероприятия) после августа 1991 года был отдан под культурный центр и доступ в него был открыт не только «политработникам». В нем располагалась компактная, но очень хорошо подобранная библиотека, которая в позднее советское время получала «книжный спецпаек» в виде всяких редких и академических изданий, поскольку пользоваться ей могли только представители партийной номенклатуры и идеологические работники. Доступ к ней также был открыт после 1991 года, но о её существовании мало кто знал. Не помню, как я её открыл для себя, но лет семь, до самого отъезда из Пензы, я был её постоянным читателем. Благодаря этой библиотеке я перечитал собрания сочинений Чехова, Гончарова и многое другое.

Всё также увлекался рок-н-роллом — в первую очередь периода конца 1960-х (The Doors, The Beatles, остальное — в меньшей степени), а также нашей «ленинградской волной» «Аквариум», «Кино», «Зоопарк», значительно меньше «ДДТ» и «Алиса». О БГ и Цое даже заказывал по почте какие-то книжки — сборники текстов их песен, биографии, истории групп. Кроме того с друзьями году в 1991-м заказали и получил книжку Артемия Троицкого «Рок в СССР»: мне до сих она кажется очень достойной версией истории советского рок-андерграунда.

Тут же нужно сказать, что это сейчас почти любая музыка доступна в интернете, так же как и история любой группы в Википедии. Тогда на любовь к музыке требовалось время, силы, деньги и желание, чтобы искать, покупать и переписывать новые и старые альбомы и треки. Конечно, Андрей Тропилло в Питере уже развернул свою кооперативную бутлегерскую индустрию, производя пиратский винил классических рок-альбомов. Но до Пензы доходило не всё, а то, что доходило — стоило недешево: мы в основном облизывались, глядя на обложки «пластов» и всякую рок-атрибутику, выставленную на полках первого специализированного рок-магазина, что расположился рядом с туалетами в подвальном этаже ДК Железнодорожников имени Ф. Э. Дзержинского (до революции там была церковь Богоявления Господня). Странно, но сейчас, когда всё это доступно, и имеется в хорошем качестве — я редко вовлекаюсь в музыкальный контекст, хотя некоторые рэп и хип-хоп команды, безусловно, заслуживают внимания («Ногано», «Макулатура», «Полумягкие», «Угрюмые мясники», «Водная жизнь», «Рыночные отношения», «Ветл Удалых», «Илья Соьер», «СБПЧ Оркестр»,

«Птицу ЕМЪ» и др.). Возрастное что ли? Или просто океан онлайн-музыки сделал её бесконечным фоном повседневности, когда в смартфоне помещается треков и альбомов в разы больше чем у какого-нибудь коллекционера рок-винила и магнитоленок в 1980-е, 1990-е. Музыкальные CD в Пензе до второй половины 1990-х гг. были почти предметом роскоши. Свою магнитола с музыкальным CD я купил только в кризис 1998 года как ответ на обвальную инфляцию, и эта магнитола жива до сих — пылится где-то на антресолях. Помню, что первым купленным диском стал альбом «Prodigy» «Experience».

Я выше где-то упоминал, что один из моих друзей был музыкантом. Сначала он учился в местном музучилище, потом уехал учиться в Саратовскую консерваторию, хотя регулярно бывал в Пензе. Вместе с ним и еще парой друзей я стал регулярным посетителем рок-концертов пензенских команд. Ужасное качество звука и экзотические места проведения этих концертов плюс тусовка, состоящая из одних и тех же лиц, отсылали к легендарным практикам ленинградского подпольного рок-движения. Впрочем, в Пензе начала 1990-х гг. эти практики были вызваны не давлением цензуры, а бедностью музыкантов и их поклонников: инструменты поначалу были почти самопальные, пульта советские, а сами рок-группы мало что зарабатывали на этих концертах. Рок-тусовки поначалу проходили в «Доме учителя», который когда-то был католическим костелом, и в начале девяностых находился в состоянии перманентного ремонта. Все зрители, аппаратура и музыканты умещались на сцене — всего не более 100–120 человек. Там же проводились всякие арт-перформансы — например, показывали, так называемое, «параллельное кино» от студии «Братья Водолазы». Любопытно, что и сейчас что-то из творческого наследия этой «студии» можно найти на youtube. Потом несколько концертов состоялось в холле кинотеатра «Родина» типового кинотеатра сталинской архитектуры, перестроенного в своё время из Никольской церкви. Еще было несколько локальных рок-фестивалей в городском парке имени Белинского и затем открылся первый более-менее постоянный рок-клуб «аЭроплан» (как-то так писалось его название) в бывшем кинотеатре «Москва», в оформлении которого также сохранились следы сталинского ампира. Было весело, хотя в широкую рок-тусовку Пензы я никогда не входил — с друзьями приходили послушать музыку и приобщиться к рок-культуре. Сам играть не пробовал, поскольку музыкальных способностей никогда не проявлял. Признаться, тогдашнее, и более позднее творчество некоторых пензенских команд мне до сих нравится — прежде всего, «Кенгуру» (лидер Ю. Козлов), «Глупая девушка» (лидер — А. Черкашин, потом эта группа стала называться «Pull», фамилии лидера не помню), наконец, современная группа «Унесенные ветки». Сам я перестал ходить на пензенские рок-концерты где-то в 1996–1997 годах. Что-то изменилось в их атмосфере, да и новое поколение тусовщиков подросло, а предыдущее куда-то делось — заканчивали вузы, служили в армии, обзаводились семьями, начинали работать, спиваться, уезжали в Москву. Вступало, в общем, во взрослую жизнь, что в той Пензе и в тех условиях происходило довольно рано.

На концерты классической музыки ходил редко — в основном на отчетные концерты оркестра, участником которого мой друг-музыкант в музучилище и пару раз на концерты одноклассницы, которая также играла в каком-то ансамбле при местной филармонии. Уже живя в Москве, с женой несколько раз брали абонементы в консерваторские залы и даже посещали эти концерты

с желанием, получая много впечатлений, но, к сожалению, расписание абонементов никогда не выдерживали, много пропускали из-за работ и всяких проблем, а поэтому ценителем и знатоком классики я так и не стал. В пензенский театр также ходили время от времени, но, честно говоря, что-то с ним было не так, поскольку любовь к театру он мне привить не смог и только после переезда в Москву, посетив «Табакерку» и «Современник», был по-настоящему впечатлен театральной сценой. Впрочем, если доживу, то вряд ли пополнию большой и сплоченный отряд бодрых московских театралов-пенсионеров. В Пензе же ходил на нечастые камерные спектакли любительских маленьких молодежных театров, в чьих постановках может быть и не было профессионализма, но была искренность.

Вот кино меня занимало значительно сильнее. Видеомагнитофоном и видеоплеером я и мои друзья не обзавелись, видеосалоны я почти не посещал. К счастью, в первой половине девяностых телевидение регулярно показывало хорошие фильмы из числа киноклассики и арт-хауса, а также в пензенских кинотеатрах время от времени также были сеансы «серьезного кино». Помню, что был на пензенском показе соловьевской «Красной розы эмблемы любви», еще ходил на кинопросмотр «Соляриса» и каких-то других фильмов. Тогдашние мои кинокусы были банальны — «Солярис» и «Сталкер» Тарковского, «Дни затмения» А. Сокурова, «Парад планет» Миндадзе-Абдрашитова, «Замок» и «Брат» Балабанова, трехсерийный фильм «Посредник» по фантастической повести А. Мирера «Главный полдень», «Неоконченная пьеса для механического пианино» и многое, многое другое — по большей части уже не помню, особенно зарубежное кино. Глядя из настоящего, мне уже трудно отделить какие фильмы я посмотрел тогда, а какие позже, уже собирая их на CD—DVD в первой половине первого десятилетия 2000-х гг. С этой коллекцией я расстался совсем недавно — потеряло смысл держать дома диски, когда всё доступно в интернете, да и многие компьютеры уже лишились CD-привода. Этим летом, разбирая домашние завалы, оставил несколько сотен дисков в подъезде — кто-то из соседей быстро их забрал и, видимо, получит массу удовольствия от просмотра всякого редкого и арт-хаусного кино вроде фильмов «Гонгофер» и творений Ходоровского.

Полюбил сериал «Секретные материалы» и первые сезоны «Госпиталя МЭШ», но нельзя сказать, что последовательно и полностью посмотрел все серии — сосредоточенности не хватило не тогда, не теперь. Именно поэтому я и сейчас не могу смотреть сериалы длиной свыше 16—20-ти серий — не хватает силы воли.

Что делал еще? Как и большинство пензенцев того времени, в теплое время года был занят продуктовым самообеспечением: посадкой обработкой и сбором картошки в деревне, бесконечными поездками на дачу не для того чтобы там пить чай на застекленной веранде, а чтобы сажать, обрабатывать и собирать помидоры, клубнику и т. п. Песня С. Шнурова и группы «Ленинград» «Дача» вполне адекватно описывает ситуацию. Поэтому сегодня всякие хипстерские начинания с разного рода «фермерскими продуктами» и «городским огородничеством», а также коллективными экспедициями «на пленэр к пейзажам» с целями этнографического знакомства с «настоящей сельской жизнью», вызывают у меня ироническую улыбку. Жаль, эти молодые люди не жили в Пензе 1990-х гг. — там у них было бы раздолье и для деревенской этнографии и для реализации своих

огороднических амбиций. С тех пор, впрочем, я дачу не очень люблю и способен воспринимать её только в чеховском варианте — как безделье на природе и посиделки за чаем в дружеской кампании. Впрочем, дачи у меня нет, и, наверное, уже никогда не будет...

Учился я хорошо и, начиная со Школы Юных Менеджеров, С. Д. Резник вовлекал меня в научную работу — что-то я реферировал, что-то немного писал. По окончании института он предложил мне пойти в очную аспирантуру по управлению на кафедру менеджмента. Я согласился и провел год на кафедре, где изнутри смог увидеть вузовскую жизнь не как студент, а как сотрудник. Курсов я еще никаких не преподавал, хотя ездил в качестве игротехника в Молодежный экономический лагерь (МЭЛ) — очень интересный проект социальных игр, задуманный моим одноклассником Игорем Резником и его братом Владиславом и каждый год, начиная с 1996 г. воплощавшийся в пятнадцатидневную смену в одном из бывших пионерских лагерей недалеко от Пензы. Что это было? Довольно сложно описать в нескольких словах: социальная игра, ориентированная на средних и старших школьников, которая призвана была показать им работу ключевых гражданских и рыночных институтов — парламентских и президентских выборов, работу правительства, биржевые операции, деятельность бизнеса, функционирование свободной прессы и многое другое, что сопровождает жизнь современных обществ. Это была сценарная игра — «живой» симулятор большой социальной и экономической реальности, а участники могли ощутить себя наемными работниками, предпринимателями, журналистами, государственными чиновниками и т.п. В игре действовала собственная валюта и правила, связанные с оценкой трудового вклада, прибыли, котировками акций и многим другим. Об этом опыте выходили книги и статьи и даже, кажется была защищена диссертация, его обобщавшая. Я работал игротехником — одним из тех, кто разрабатывает игровой сценарий и координирует одно из направлений в ходе смены. Опыт был яркий и незабываемый.

Итак, как-то само собой получилось, что после окончания вуза я остался в институте аспирантом и избрал этот путь. Подрабатывал ли где-то? Кроме участия в МЭЛе почти нет. Время от времени был книгоношей — ходил с дипломатом учебников бизнеса и предпринимательства по офисам и техникумам и предлагал купить эти книги. Поставки книг из Москвы организовывал Игорь Резник — распад советской системы распределения книжной продукции архаизировал эту и многие другие сферы торговли: поэтому товарный голод вынуждены были заполнять «челноки», действовавшие с разным размахом и территориальным охватом. Я же был простым продавцом. Не могу сказать, что я заработал что-то существенное, но в тогдашнем полном безденежье и это имело значение. Еще один из старших коллег по кафедре позвал меня преподавать основы экономики для старших школьников в самую прогрессивную на тот момент пензенскую школу — Гимназию №13. Тогдашний её директор смог превратить типовую школу в районе типовой панельной застройки в оазис всяких педагогических инноваций. Он наладил контакты с какими-то испанскими детскими цирковыми школами и уже тогда организовал подобную школу на базе своей гимназии. Также в гимназии имелся свой психолог, английский язык преподавала американка из «Корпуса мира», работал преподаватель этикета и даже одно время действовал факультатив по игре в покер (или преферанс? Не помню). При

этом базовая подготовка по основным предметам тоже была на высоте — выпускники успешно поступали в хорошие вузы на престижные факультеты. Творческой была сама обстановка в этой гимназии и преподавать там было интересно, хотя и непросто. Все-таки школьники — это очень специальная аудитория, и чтобы удержать их внимание, и при этом донести до них что-то дельное, нужно иметь преподавательский талант. Я не думаю, что обладаю таковым, но в целом справился, хотя понял всю тяжесть труда школьного учителя.

Роман, Ваш рассказ дорогого стоит... описание культурной жизни среднего русского города конце 80-х — начала 90-х годов. Большое Вам спасибо... для моего проекта это имеет огромное значение, так как описанное Вами я определяю как зону (сферу) свободного поведения. В годы молодости, скажем, Б. А. Грушина — это были московские пивные и сауны, Б. М. Фирсов создавал молодежный театр, из-за чего чуть не вылетел из института, И. И. Травин вспомнил московский фестиваль молодежи и подпольные джаз-оркестры... но в целом то пространство оставалось весьма узким и контролировалось идеологическими структурами и КГБ.

...в конце 90-х Вы перебрались в Москву. Как это произошло? Почему? Наверное, очень непросто было?

Если быть совсем точным, я приехал в Москву 5 ноября 1998 года. Запомнил эту дату, потому что параллельно в Пензу приезжал с концертом Борис Гребенщиков, и я перед отъездом решил не ходить на концерт, да и денег не было. В Москву я переехал случайно, хотя мотивация бегства из Пензы и всей окружающей обстановки назревала в течение всего первого года после окончания вуза. Итак, я поступил в очную аспирантуру под руководством С. Д. Резника и, получая какую-то стипендию, сидел на кафедре и еще что-то преподавал в гимназии №13. Жена также пошла на работу, но денег не было — первые полгода она вообще не получала зарплату из-за задержек. Жили тем, что удалось собрать с огорода, да какими-то малозначительными приработками. Second hands давно уже стали местом наших постоянных визитов. Наша жизнь свелась к общению с родителями, друзьями, прогулкам (ведь прогулки бесплатны!) и чтению книг. Предполагалось, что в аспирантуре я буду писать что-то о кадровом менеджменте, но к тому времени к менеджменту как-то поостыл. Был, вобщем-то внутренний кризис, подогреваемый внешними неблагоприятными обстоятельствами.

Нужно сказать, что Пенза от начала реформ 1990-х и до начала 2000-х гг. была не самым веселым местом — железные ряды коммерческих ларьков, темнота на вечерних улицах, театр с довольно однообразным репертуаром и постепенно угасающая жизнь музыкального андеграунда, откуда также происходила миграция в «нормальную жизнь» и более крупные города. Спасали книги и узкий дружеский круг. Говоря марксистско-ленинским языком «назрели объективные предпосылки» для радикального изменения собственной жизни.

И идея переезда в Москву возникла как дверь, которая неожиданного появляется в конце длинного и скучного серого коридора. Сложилось так, что несколько коллег с нашей кафедры ездили в Москву на месячные курсы по социологии — это называлось «кухтеринские курсы», которые проходили в Институте социологии РАН. В нашем институте этими поездками отчитывались как повышением квалификации, да к тому же проезд туда и обратно оплачивался принимающей стороной и выплачивалась стипендия в размере аж 100 долларов США.

При этом на курсах учили действительно интересным вещам — молодежным субкультурам, методам проведения опросов и т. д. Я узнал, как записаться на эти курсы — отправил туда реферат и где-то в начале марта позвонив Кухтерину, что могу поехать на месяц в Москву на курс «Социология менеджмента».

Нужно сказать, что до этого мои визиты в Москву носили сверхкраткий характер — кажется лишь однажды, проездом на конференцию в Тверь, я провел в Москве день или полтора. Огромный и загадочный город для абсолютного провинциала, подобного мне. Помню, что ездил к МГУ и приобрел в одной из университетских книжных лавок англо-русский сборник песен Джима Моррисона и зеленый том собрания сочинений Иосифа Бродского, которого в Пензе было не достать. Маньеристский выбор, по-своему...

В начале апреля я отправился в Москву, кое-как нашел Институт социологии и заселился в академический хостел, Дом аспирантов и стажеров на Островитянова 35-а (ДАС-2), в котором затем мне предстояло прожить года полтора. После Пензы, где самым высоким зданием было несколько четырнадцатипятиэтажных башен, Москва, конечно, поражала своими размерами, ритмом и новыми видами городских сервисов. Метро, трамваи, торговый центр с лифтом на Охотном ряду — всё это отсутствовало в Пензе.

Что еще было радикально иным? Конечно, атмосфера академического института, в которую попал, стажирясь в этом центре. Тогдашним директором института был В. А. Ядов — открытый, живой, настоящий, стремительный, он, как я думаю, придал хороший импульс развития ИС РАН. Это ощущалось и в том, как были организованы курсы под руководством С. Е. Кухтерина, какая там была атмосфера дружелюбия, открытости, отсутствия какой-либо казенщины и бюрократии, чем болело всегда, а теперь заражено в еще большей степени наше высшее образование. К тому же, до этого визита я почти не видел «живых» социологов, поскольку прикладными исследованиями на кафедре менеджмента занимались коллеги, которые исходно были ориентированы на управленческие дисциплины и менеджериальную эпистемическую культуру. Кажется, у М. Соколова и его коллег в публикациях есть рассуждения о том, как разные академические культуры в социологии репрезентируются в способах держать себя и в выборе стиля одежды. Но, различия между теми, кто занимается менеджментом, и теми, кто включен в академическую культуру социологии, более глубоки и разительны, поскольку менеджмент в большей степени связан с идеологией, контролем и властью, нежели любая другая из версий социального знания. Иногда эти различия проявляются в манере держать себя, в выборе стиля одежды, но мне кажется, что они связаны со способами мышления о социальном — то, что для социолога является объектом рефлексии, то для специалиста по менеджменту является объектом власти и контроля. Сегодня социология всё же в большей степени изучает окружающий (пусть подспудно и изменяя), тогда как менеджмент прямо собирается сделать этот мир более «эффективным», изменяя его. Да и сильная прививка критической и марксистской традиции в социологии не позволяет ей превратиться просто в «социальную инженерию». Впрочем, это моё частное мнение.

Итак, мое знакомство с социологией началось с курса «Социология менеджмента», который читал П. В. Романов, незадолго до этого вернувшийся со стажировок в Великобритании. Параллельно шел еще курс «Модели объяснения

и логика социологического исследования», который вела И. Ф. Девятко. Тот курс был недоступен для моего понимания — даже не все дипломированные социологи и уже работавшие преподаватели, приехавшие на эту стажировку, могли полностью понять содержание этого курса в силу его сложности и теоретической направленности. Я же тогда вообще не был знаком с социологической теорией.

Впрочем, и на вроде бы знакомый мне предмет изучения — менеджмент у П. В. Романова был совсем иной взгляд, чем тот к которому я привык в среде специалистов по управлению. Этот взгляд — аналитическая позиция исследователя, а не прагматическая позиция консультанта. К тому же в процессе преподавания П. В. Романов активно обращался к современным социологическим теориям и методам визуальной антропологии, что радикально отличалось от привычных мне способов мышления о менеджменте и, как оказалось, ближе к моему пониманию этой наукообразной идеологии и практики. Конечно, британская традиция изучения промышленного менеджмента во многом базировалась на неомарксистских концепциях, и это тоже оказалось довольно интересным. К каждому занятию по курсу мы должны были прочитать несколько текстов из ридера, и, хотя не все из них я понимал, но и манера ведения занятий и общения и содержание курса П. В. Романова меня увлекли. О своих впечатлениях от того времени я рассказал в эссе, посвященном юбилею Павла Васильевича⁶. К сожалению, последнего юбилея в его жизни...

Видимо, мой энтузиазм чем-то привлек П. В. Романова и на завершающем этапе курса он предложил мне приехать в Москву, чтобы получить социологическое образование в одной из двух магистратур, которые олицетворяли новый образ социологии и базировались в «кухтеринском центре» при ИС РАН и в МВШСЭН («Шанинке»). Я решил начать с магистратуры при Институте социологии РАН.

Решение было принято просто, но его воплощение вызывало затруднения и практические вопросы. Во-первых, нужно было решать вопрос с пензенской аспирантурой — переводиться в СГТУ, где базировались Е. Р. Ярская-Смирнова и П. В. Романов. Это было непросто, и связано с неприятными разговорами в ПГУАС и оформлением массы бюрократических бумаг. Во-вторых, непонятно как быть с семьей — жена только что нашла относительно оплачиваемую работу, и одновременный переезд в Москву был маловероятен. В конце концов, решили, что жена присоединится ко мне через год, но фактически, это получилось сделать только через два года. В-третьих, у меня самого был внутренний страх перед будущим — другой огромный город, новые люди и отношения и многое другое. Большой вызов для домашнего, глубоко провинциального и довольно таки инфантильного молодого человека с не самым лучшим образованием и отсутствием практического знания жизни. В-четвертых, это вопросы коммуникации — интернета, мобильной связи и электронной почты, как массовых явлений, тогда не существовало, тем более в таком депрессивном регионе, каким была Пенза, а поэтому для связи с С. Е. Кухтериным и саратовскими коллегами я бегал на переговорный пункт, что находился на втором этаже железнодорожного вокзала Пенза-1. Уйдя из пензенской аспирантуры, я остался в «нигде», поскольку экзамены в московскую магистратуру начинались в ноябре, тогда же был возможен и перевод в саратовскую аспирантуру. В течение июня-октября

⁶ Вот сайт, посвященный П.В. Романову <http://www.pavel-romanov.com/>.

1998 года я совершил несколько поездок в Саратов и сделал бесчисленные звонки в Москву. Материально мы могли выживать благодаря зарплате жены, натуральному хозяйству, моей летней подработке в МЭЛ.

Параллельно я начал готовиться к экзаменам в магистратуру в Институте социологии РАН. Поскольку я совсем не разбирался в социологической литературе и её выбор в Пензе был небогат, то готовился я по случайно попавшим в поле зрения источникам: учебнику «Социология» Радугиных⁷, оранжевому «соросовскому» изданию истории теоретической социологии под ред. Ю. Н. Давыдова⁸, учебнику по методам социологии М. К. Горшкова и Ф.Э. Шереги⁹ и изданной в 1997-м году небольшой книжке А. И. Кравченко о вкладе М. Вебера в социологию труда¹⁰ с переводом пары текстов немецкого классика о социальном статусе. Скажу прямо, я мало что понимал в этих книжках, особенно тяжело мне давалась социологическая теория, так как это был другой язык, другое мышление, вообще всё другое, а философского и гуманитарного бэкграунда у меня не практически не было.

Собрав небольшую сумку, забрав у жены, оставшиеся совсем незначительные деньги и получив от родителей какую-то сумму (по-моему, её эквивалент был порядка 20\$), я двинулся в столицу. Тут нужно вспомнить, что август-декабрь 1998 года — это пик большого и острого экономического кризиса, покончившего с первым призраком российского среднего класса, но давшего старт многолетнему экономическому росту, потребительской революции и «эпохе путинской стабильности». К счастью, на моей семье кризис не отразился, так как никаких сбережений у нас не было, но уже в магистратуре неполадки нашей банковской системы привели к тому, что стипендии мы получили кажется только в середине декабря.

Сам по себе приезд в Институт социологии не означал автоматического зачисления в магистратуру — предстояло пройти экзамен-собеседование. В комиссии были В. А. Ядов, А. Ю. Согомонов, С. Е. Кухтерин и кто-то еще — память не всех сохранила. Мне достался вопрос о теории общества Н. Лумана, и тут помогло чтение «соросовского» оранжевого учебника — я вспомнил роскошное слово «аутопойэзис» и имя Матураны. Потом были вопросы о моем реферате, который я сделал, опираясь на книжку о Вебере и его вкладе в социологию труда. В итоге я был зачислен в магистратуру: несколько претендентов вернулось домой. Так началась моя жизнь в Москве.

Складывается впечатление, не только из Вашего рассказа, что «Кухтеринские курсы» сыграли (играют?) очень важную роль в становлении новой, постперестроечной социологии. Пожалуйста, столько же основательно, опишите, как у Вас был построен учебный процесс, что Вы вынесли из обучения в этой «школе»?

Я считаю, что в истории нашей социологии вклад Центра социологических исследований (ЦСО) под руководством С. Е. Кухтерина в становление не просто постсоветской, но российской социологии, остается недооцененным. Наряду

⁷ Радугин А.А., Радугин А.К. Социология. Курс лекций. М.: Инфра—М, 1998.

⁸ Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму). М.: Наука, 1994.

⁹ Основы прикладной социологии. Учебник для вузов. Коллективная монография. Ред. Шереги Ф.Э., Горшков М.К., М., Интерпракс, 1996

¹⁰ Кравченко А.И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М.: «На Воробьевых», 1997.

с Европейским университетом в Санкт-Петербурге, МВШСЭН под руководством Т. Шанина, ЦНСИ под руководством Виктора Воронкова, кафедрой социальной работы СГТУ, где работали В. Н. Ярская, Е. Р. Смирнова-Ярская, П. В. Романов, исследовательской сети ИСИТО, научно-исследовательского центра «Регион» под руководством Елены Омельченко и некоторых других команд, Центр социологического образования при Институте социологии РАН стал важным источником формирования новой исследовательской и образовательной повестки российской социологии. До середины 2000-х гг. центр сохранял свои лидерские позиции в качестве важной образовательной площадки. Потом, на мой взгляд, ситуация стала меняться, отчасти и потому, что благодаря ЦСО на авансцену вышли новые организации, люди, сюжеты. Думаю, что из более менее активно публикующихся российских социологов в возрасте от 35 до 55 лет трудно найти тех, кто либо не учился в магистратуре ЦСО, либо там не преподавал, либо не был стажером или гостем этого центра.

Историю возникновения ЦСО я знаю не очень хорошо – полагаю, что лучше о ней расскажут А.Ю. Согомонов, С.Е. Кухтерин, И.Ф. Девятко и те, кто занимался его созданием в середине 1990-х гг. Естественно, что без поддержки международных фондов, работа центра была бы невозможна в условиях, когда стране было не до науки.

Итак, после успешного прохождения собеседования магистранты ЦСО Института социологии РАН в ноябре 1998 г. остались в Москве для обучения. Среди них был и я. Тут надо сказать, что номинация «магистр» и «магистрант» тогда выглядела довольно экзотично: вузы еще десятилетие готовили «специалистов», пока наша образовательная система не восприняла принципы Болонской системы. В Пензе, году в 1994-м или 1995-м мне попадалась чья-то визитка, на которой было гордо написано «магистр психологии», но где её обладательница успела получить эту степень в то время – не знаю. Еще А. и Б. Стругацкие активно наделяют молодых научных сотрудников НИИЧАВО титулами «магистров» и «бакалавров», чтобы подчеркнуть «волшебную» сторону деятельности этого НИИ. То есть ни работодатели, ни сами учащиеся, ни преподаватели в то время не очень понимали – что же именно кроется в обозначении «магистр», кроме неясных аллюзий со средневековой алхимией. Это сейчас магистратуры стали привычными, в некоторых вузах магистрантов больше, чем учащихся бакалавриата.

Мне кажется, что распределение нас по будущим научным руководителям в первые недели учебы, для многих стало определяющим в их дальнейших биографиях. Этим распределением занимался А. Ю. Согомонов, который вел еженедельный академический семинар и, если не ошибаюсь, являлся академическим директором Центра. У многих моих коллег по группе, кто получил профильное образование в социологии и социальной философии или успел принять участие в исследованиях, уже были предварительные соображения относительно будущей темы исследования и возможного руководителя. Я же писал что-то о «кадровом менеджменте» и боялся резко менять направление, поскольку даже выученные к экзаменам социологические понятия, почти сразу испарились из моей головы после успешного прохождения собеседования. Помню, что, поговорив со мной на предмет будущей темы и моих интересов в социологии, Александр Юрьевич

тяжело вздохнул, задумался на полминуты и сказал примерно следующее «Не знаю, что с тобой делать. Может быть Девятко разберется». Так, моим научным руководителем и Учителем стала Инна Феликсовна Девятко.

Если же описывать атмосферу ЦСО и учебного процесса, то высокая степень академической свободы, камерность обучения, неформальность общения при одновременной очень сильной вовлеченности всех участников в процесс обмена знаниями — это то, что создавало необходимое интеллектуальное напряжение для вхождения в мир социологии. ЦСО располагал двумя компьютерными классами, небольшой, но хорошо подобранной библиотекой, несколькими аудиториями, возможностью делать копии частей книг и журнальных публикаций. Плюс мы получили доступ к ИНИОНу и библиотеке Института социологии. Для того времени — богатые возможности: ведь в России интернет находился на этапе перехода от забавы для гиков к массовой коммуникативной среде, а поэтому доступ к текстам на «бумажных носителях» был очень важен. Кстати, свою первую электронную почту в mail.ru я завел именно тогда — в первые недели обучения.

Учились мы четыре дня в неделю — четверг, кажется, был библиотечным днем, когда мы работали над эссе и, затем, над своей магистерской диссертацией. Кто преподавал нам? Точные названия курсов я, пожалуй, не вспомню, но постараюсь вспомнить, кто и о чем читал нам лекции и вел мастер-классы. И. Ф. Девятко вела курсы «Методы социологических исследований» и «Модели объяснения и логика социологического знания». Освоению этих курсов нам помогли вышедшие примерно тогда же отличные учебники, написанные Инной Феликсовной, хотя, конечно, учебниками мы не ограничивались. Также И. Ф. Девятко читала курс «Современные социологические теории». Некоторые темы по этому курсу были прочитаны С. П. Баньковской. «Историю социологии» читал А. Б. Гофман, а часть истории русской социологии читала З. Т. Голенкова и несколько лекций В. В. Сапов. В. А. Ядов читал свой курс, связанный с полипарадигмальным подходом к социологическому знанию — он тогда был сильно увлечен идеями П. Штомпки. А.Ю. Согомонов вел академический семинар и в своей яркой манере побуждал нас творчески подходить к поиску исследовательской проблемы. Социальную психологию преподавала Г. М. Андреева, работу с SPSS осваивали под руководством М. Ф. Черныша, качественные методы В. В. Семенова. Также часть лекций и семинаров проходили под руководством Г. М. Масловой, лекцию о социологии В. Парето прочитал А. А. Зотов и др. Возможно я упустил кого-то важного и приношу за это прощение. Резюмировать можно так — наши занятия вели ученые, теоретики и исследователи, увлеченные своим делом и стремившиеся максимально полно передать свои знания и опыт нам. Кроме того, мы были всегда участниками академических семинаров и научных докладов, которые проходили в стенах Института социологии. Это можно рассматривать как значимую часть профессиональной социализации.

Поскольку бюрократия (подготовка УМК учебно-методических комплексов, разного рода отчетность и проч.) в магистратуре ЦСО была сведена к минимуму, то и преподаватели чувствовали себя свободно — общались с нами за пределами формального расписания, активно делились своими находками и творческими идеями. К тому же наша группа была совсем небольшой по численности — кажется не больше 17 человек, что также давало хорошие возмож-

ности для плотного общения с преподавателями. Большинство наших преподавателей были не из вузов, а из академической среды Института социологии, что очень положительно сказывалось на качестве обучения и атмосфере дружелюбия и творчества: будучи, преимущественно, исследователями, они не имели статусных и педагогических стереотипов, каковы неминуемо вырабатываются у всякого, кто на протяжении долгого времени тянет преподавательскую лямку. Кроме того, вузы всегда находились под более плотным административным и бюрократическим контролем, а от преподавателей требовалось и требуется выполнение многих ритуальных, технических действий в виде отчетности, далеко не всегда продуктивных совещаний и проч. Это иссушает сознание, превращает преподавательскую работу в конвейер. Академические исследователи же всё-таки находились немного в другом положении и даже в советское время имели чуть больше личной свободы. Поэтому и наши учителя в магистратуре подходили к процессу преподавания как к работе в творческой мастерской, что вдохновляло и нас.

Итогом нашего обучения в магистратуре должна была стать подготовленная магистерская диссертация и после публичной защиты, получение диплома. Это был диплом негосударственного образца и я его не получил — уж не помню по какой причине, но не связанной с неуспеваемостью: все экзамены сдал и итоговую работу защитил. В данном случае credentials не важны, важно, что я был там и что я был там именно в то время.

Из впечатлений о процессе обучения стоит упомянуть ИНИОН РАН. Мне он видится символом несовершившегося утопического прорыва советской науки к мировым лидерским позициям: сделаны огромные инвестиции, достигнуты большие результаты, но все это либо осталось невостребованным, либо пришло в упадок. В 1960–70-е гг. в районе метро Профсоюзная возник целый академический кластер: было построено несколько модернистских зданий, где разместились важные научные центры — Центральная медицинская библиотека, куб Академии сельхознаук, Институт Океанологии, к которому широкая, но вечно нуждающаяся в ремонте лестница, «Дом с ухом» (высотное здание с огромной лентой Мебиуса в качестве декоративного элемента) — ЦЭМИ, Институт экономики, Институт Дальнего Востока, Архив Академии наук и т.д. В основном, эти здания были спроектированы на излете оттепели и возведены в первой половине семидесятых, а потому в архитектурном смысле были решены в модернистском стиле — ненаступившее прекрасное светлое будущее НТР отражалось в запыленных окнах ИНИОНа с его огромными внутренними пространствами, стеклянными стенами, главной лестницей, переброшенный через давно высохший пруд и колпаками потолочных круглых окон-фонарей. Плюс потрепанная, но стильная мебель, пришедшая прямиком из декораций в «Сталкере» Тарковского. После Пензы, масштабы и размах ИНИОНа поражали. Впрочем, в конце девяностых и само здание и атмосфера в нем навевали мысли об ушедшем прекрасном прошлом, но довольно грустном настоящем: модернистские фасады и интерьеры ветшали и требовали ухода, буфет радовал образцами советской столовской кухни, которая вошла в моду только через десять лет, да и объем закупаемой зарубежной литературы снизился — библиотечные фонды старели, хотя именно там можно было найти достойные американские и британские книги по соци-

альным наукам, приобретенные в предыдущие годы. В ИНИОНе¹¹ был книжный магазин, продававший научную литературу, в том числе сборники реферативных обзоров, готовившиеся сотрудниками этого института. Знаю, что сейчас к этому жанру научной работы нередко относятся с презрением, однако, думаю, что его важность сохраняется и в настоящее время — это и функция просвещения, и функция картографии ключевых публикаций по различным дисциплинарным областям.

Что же я вынес из обучения в «кухтеринской» магистратуре? Слишком много, чтобы ответить просто. Думаю, здесь началось мое превращение из «никого», имевшего какое-то высшее образование в того, кто связывает свою профессиональную биографию с социологическими исследованиями и социальными науками. Здесь же я встретил своего Учителя в социологии — Инну Феликсовну Девятко, которая во многом предопределила мой дальнейший путь. Не хочу говорить громких слов о «социологическом мышлении» или «социологическом воображении», но к концу обучения я стал немного понимать чем включенное наблюдение отличается от массового опроса, чем функционализм — от постмодернизма, а идеи Мишеля Фуко от работ Эмиля Дюркгейма. Также я получил навыки социологического письма — того как создаются тексты, хотя и не могу похвастать тем, что в полной мере смог реализовать эти навыки. Может самое важное, что я усвоил ключевые составляющие настоящей академической культуры — коллегиальность, ориентация на содержательный результат, антибюрократичность, вовлеченность, открытость к диалогу, неформальность, дружелюбие без круговой поруки, понимание важности критики со стороны коллег и многое другое. Сейчас это мне помогает в общении с коллегами и в работе, но зачастую и мешает спокойно относиться к тем или иным административным новациям и формам удушающего бюрократического контроля. Но такова жизнь...

Я не знаю, должен ли был магистр готовить какую-либо итоговую работу, если да, то какой тебе было посвящено Ваше исследование?

Завершение магистратуры предполагало подготовку и защиту диссертации. При выборе темы работы я долго обсуждал её с Инной Феликсовной, которая, например, предлагала мне ориентироваться на социологию медицины — направление очень перспективное, что я понял намного позже. Тогда же, я имел очень узкий кругозор, особенно в социальных науках, и поэтому не очень хотел уходить далеко от привычного мне менеджмента, рассмотрев его уже социологической перспективе. Так в качестве темы работы был выбран сюжет профессионализации менеджмента в России в контексте становления бизнес-образования. Развивая эту тему, я, в конце концов, подготовил кандидатскую диссертацию и уже на протяжении долгого времени специализируюсь в области социологии профессий. Ну а что из этого получается — тут можно судить только по публикациям.

¹¹ Фрагмент об ИНИОН РАН был написан мною в декабре 2014 г., еще до знаменитого пожара. Когда я поехал на пожарище спустя неделю и увидел остатки ИНИОНа, то понял, что этой библиотеке уже не быть тем, чем она была прежде — с точки зрения атмосферы, архитектуры и с может быть с точки зрения содержательного наполнения. Кто знает — вероятно будет что-то новое, лучшее и современное, но это уже не тот ИНИОН — символ советской Большой науки в период, когда достигла вершины и стала спускаться вниз по склону истории.

Закончились «Кухтеринские курсы», как дальше пошла Ваша жизнь?

Я бы не называл магистерскую программу Центра социологического образования «курсами»: «Кухтеринские курсы» это месячные стажировки, которые проходили в центре, а мы всё же были слушателями полноценной магистратуры. Для того чтоб понять, какие решения и почему мной были приняты по окончании кухтеринской магистратуры, нужно немного рассказать о ходе нашей жизни в то время.

Два месяца до нового 1999 года прошли очень быстро и за этот время наша немногочисленная группа магистрантов хорошо перезнакомилась друг и с другом, и многие успели подружиться. Тем более долгое отсутствие стипендии из-за финансового кризиса 1998 года, новизна обстановки и академический энтузиазм вполне этому способствовали: были бесконечные посиделки в ДАС–2 на Островитянова 35а, городские прогулки, включение в изучение научной литературы и многое другое. Наш курс состоял из людей, приехавших из разных регионов страны – Томска (прибывшие оттуда нам представляли его исключительно как «Северные Афины» за уникальную университетскую культуру, там существовавшую), Нижнего Новгорода, Ульяновска, Сыктывкара, Перми, Краснодара. Были и москвичи, охотно присоединившиеся к нашей «дасовской» тусовке.

Унификация городской жизни, произошедшая в двухтысячные благодаря потребительской революции и десятилетию экономического роста, тогда еще не добралась даже до многих областных центров, а поэтому контраст между уже благополучной и яркой Москвой и многими региональными городами, находившимися в состоянии постсоветской депрессии, был очень заметным. Например, приехав на первые новогодние каникулы в Пензу, я был поражен какой-то безлюдности, неприкаянности и холодной зимней тьме городского пространства на фоне живой, освещенной Москвы. Пенза оставляла впечатление города, находящегося в глубоком кризисе и прошедшего какой-то большой исторический катаклизм: так, наверное, выглядел Петроград в 1921 году – гражданская война вроде завершилось, но жизнь еще не оттаяла от её ужасов: атмосфера как в недавнем фильме «Роль» (реж. К. Лопушанский, 2013 г.). На мой взгляд, первые признаки оживления пензенской жизни наступили где-то после 2003 года.

Впрочем, вернемся в Москву. После новогодних каникул атмосфера в нашей группе неуловимо изменилось: общих тусовок и безудержного веселья стало меньше – нужно было работать над эссе, обдумывать диссертацию и вообще определяться с будущим. Мой приезд в столицу 11 января 1999 года, однако, сопровождался чудовищной головной болью после вынужденно выпитого ужасного самогона, который мне усиленно предлагали милиционеры, работавшие вахтовым методом в Москве и оказавшиеся со мной в купе, куда они сели на одном из полустанков недалеко от Пензы. По пути они не только старались напоить меня дурным самогоном, но и делились историями о своих криминальных приключениях в Москве во время патрулирования.

С февраля я и мои одноклассники начали задумываться о подработках, поскольку большинству стало очевидным, что после окончания обучения в свои города они не вернуться, и будут искать возможности для закрепления в Москве. Подработки пришли по линии приятельских отношений с саратовскими аспирантками Г. С. Батыгина Насти и Тани, также живших в ДАСе и участвовавших в наших посиделках. Они работали в сфере политконсалтинга,

и как раз с зимы 1999 года стартовал очередной электоральный цикл по выборам в Государственную Думу. В то время на этих выборах были мажоритарные округа и партийные списки, а сами избирательные кампании проходили весело — со скандалами, подкупами, разоблачениями и разухабистой политической рекламой. Естественно, были нужны организаторы и аниматоры этих «политических тренников», а поэтому появилось занятие политического консультанта и аналитика, куда в поисках заработков и приключений устремились многие обедневшие академические интеллектуалы из гуманитариев, в то и вовсе «вечные аспиранты». Российский политический PR процветал, о чем реалистично написал В. Пелевин в своем «Generation Пи», а я поделился своими впечатлениями в скромном эссе, изданном в журнале «Рубеж» в конце 2000 г.¹² Не минула чаша сия и нас.

Настя и Таня работали в одной из политконсалтинговых московских контор, и эта контора занималась всем циклом аналитического и организационного сопровождения избирательных кампаний: исследованиями, черным и белым PR, аналитикой, формированием имиджа кандидатов и многим другим. Бизнес был выгодный и быстрорастущий, а значит, для его развития требовались люди. Мигранты-магистранты, каковыми мы были, вполне подходили в качестве недорогой рабочей силы.

На первом этапе нас задействовали в качестве интервьюеров, проводивших анкетные опросы в подмосковных городах. Помню, как Фархад, известный тогда социолог, и сотрудник этого агентства стоял у карты Московской области и, подобно полководцу, распределял силы опросного десанта. Мне достались Дубна и Красноармейск. Обычно я выезжал ранними хмурыми февральскими утрами по выходным и проводил весь день на улице в поисках респондентов. В Дубне, я обосновался у крупного продуктового магазина и приставал к покупателям, а в Красноармейске фланировал на площади, куда пребывали местные автобусные рейсы. Серенький день, серенький, перепаханный и прокисший во время оттепели снег на автобусной площади, подковой окруженной железным рядом «комков» с чипсами, пивом, лимонадом, сникерсами, и я с анкетами, пристающий к прохожим. Отказов от интервью было меньше чем ожидалось — думаю, сейчас проводить уличные опросы сложнее: всем надоели рекламные приставалы.

Тут уместно вспомнить и о своем первом интервьюерском опыте, который я получил еще в Пензе года за два до переезда в Москву. Мой одноклассник и хороший друг Игорь Р. получал пару заказов на «поле»: один по теме внедорожников УАЗа, второй — от «табачников». Оба заказа пришлись на летний период, но для них требовались респонденты разного типа. «УАЗ» думал о выпуске новой линейки коммерческих внедорожников и его интересовали люди, отвечающие за транспорт в разных организациях. Помню, что бывал на пензенской базе МЧС — тогда «спасатели» еще напоминали интеллигентных альпинистов из песен Визбора, а не выпускников кадетских корпусов. Также запомнился неудачный визит на Компрессорный завод, поразивший меня мертвой тишиной и пустотой — промышленность находилась в упадке. «Сигаретный опрос» был «квартирником», мне досталась не самая благополучная часть города — относительно свежая панельная застройка на Окружной, населенная преимущественно рабочими

¹² Абрамов Р.Н. Трансформация методов социологического исследования под влиянием практики политического консалтинга: опыт включенного наблюдения // Рубеж (альманах социальных исследований). 2000. № 15. С. 188–210, <http://ecsocman.hse.ru/data/341/420/1216/aBRAMOW.pdf>

заводов Терновки и Южной Поляны. Я ходил и мучительно пытался набрать респондентов согласно полученной квоте и следуя правилам по-квартирного отбора. Поиск затруднялся тем, что в качестве респондентов в основном нужны были мужчины, которые реже бывали дома в будние дни, а выходные проводили на даче или рыбалке. Зато увидел разных людей, интерьеры, образы жизни — от молодой семьи начинающего алкоголика, куда я навевывался раза три, а жена каждый раз ссылаясь на «недомогание мужа» и просила прийти еще раз, до предпринимателя с большим подозрением отнесшегося к опросу, отказавшегося давать свои контактные данные и сведения о доходе, но все же пустившего меня в квартиру, где всю гостиную занимала массивная мягкая мебель — два кресла и диван, обтянутые синтетическим плюшем траурных коричневатых оттенков — верный признак преуспеяния в Пензе того времени.

Итак, с февраля 1999-го года большинство моих одноклассников по кухтеринской магистратуре в той или иной форме вовлеклись в практический политконсалтинг. Надо сказать, некоторые остались там на несколько лет или оттуда начали свою блестящую карьеру в бизнесе в качестве специалистов по маркетингу. Думаю, что где-то в марте я понял, что не собираюсь возвращаться в Пензу или переезжать в Саратов, а поэтому стал размышлять о том, что делать дальше. Во время обучения в кухтеринском центре мы несколько раз бывали с экскурсиями в Шанинке, а поскольку я ощущал, что одного года мало для полноценного социологического образования, то я решил попробовать поступить туда. Еще у меня приходила всё большая уверенность в том, что я хотел бы, чтобы моим научным руководителем была Инна Феликсовна Девятко, что также было возможно при условии, что я остаюсь в Москве.

По условиям нашего обучения мы могли провести лето в общежитии ДАСа, а потом, после защиты магистерской диссертации, должны были его покинуть. Денег на жилье не было и это тоже влияло на образовательные и профессиональные карьеры моих сокурсников. Не помню, как именно так произошло, но уже в июне 1999 года я стал подрабатывать не только в качестве интервьюера, но и в роли «аналитика» всё в том же политконсалтинговом агентстве. Что значит работать «аналитиком» в этом организационном контексте? Это значит быстро писать отчеты по результатам качественных и количественных исследований и это ремесло мне пришлось осваивать на ходу. Не буду здесь останавливаться на его особенностях, тем более, что кое-что я описал всё в той же статье в «Рубеже».

Лето 1999 года прошло быстро и весело: конечно, я что-то делал и для магистерской диссертации, но в основном работал и развлекался с коллегами по политконсалтинговой фирме. Помню, как нередко попивали вино из бутылки на траве в парке у Китай-города, где Памятник Героям Плевны, как несколько раз выбирались в ночные клубы, начиная от буржуазного джазового «Л—Клуба» на Таганке вечером и заканчивая это путешествие ближе к утру в по-гусарски игрой в бильярд с кием в одной руке, и бутылкой шампанского в другой где-нибудь на брутальной «Свалке», что тогда располагалась у метро Профсоюзная. Впрочем, это было раз или два, не более — ограниченные бюджеты и недостаток свободного времени не располагали к долгим загулам.

Во второй половине августа я узнал, что поступил в МВШСЭН и передо мной возникла дилемма: оставаться ли в политконсалтинге, где руководством компании мне уже были высказаны заманчивые обещания растущего мате-

риального благополучия и карьерных высот или снова переходить на паек из стодолларовой стипендии. Я выбрал МВШСЭН и, хотя еще некоторое время продолжал сотрудничать в политконсалтинге, это уже была фрагментарная проектная работа.

Итак, в 1999 году Вы поступили в «Шанинку», много ли студентов тогда набрали на социологию? Всех сразу прикрепили к наставникам или какое-то время читались лишь общие курсы? Чьи курсы оказались для Вас наиболее интересными? Удалось ли продолжить работу под руководством Инны Феликсовны Девятко?

Да, я решил, что приоритетом станет обучение в Шанинке и работа над кандидатской диссертацией, а поэтому оставил регулярную работу в политическом консалтинге. Какие-то проекты я продолжал делать вплоть до весны 2000 года, но уже в качестве приглашенного аналитика и без выездов в региональные командировки для участия в электоральных PR–кампаниях, приносящих основной доход коллегам. Насколько я помню, наша группа в Шанинке состояла приблизительно из 20–22 человек и оттуда вышли теперь уже ставшие очень известными и именитыми исследователи, преподаватели, организаторы науки и аналитического бизнеса – Д. Стребков, Д. Рогозин, Н. ДAUDРИХ, М. Добрякова, О. Синявская, М. Рассохина и другие. Я не помню точно процедуру выбора научного руководителя в Шанинке, помню только, что я советовался с Г. С. Батыгиным, показав ему свою магистерскую диссертацию из Института социологии РАН, но, в конце концов, моим научным руководителем стал В. В. Радаев. При этом я не разрывал связи с «кухтеринским центром» и И. Ф. Девятко, твёрдо решив готовить кандидатскую диссертацию под её руководством. Тема работы в Шанинке также была связана с проблематикой management studies, только акцент был сделан на социологию профессий, в связи, с чем я познакомился с работами Т. Парсонса, Э. Дюркгейма и других по данной проблематике.

Трудно сказать, какие именно курсы оказались самыми интересными в Шанинке, поскольку, как и в «Кухтеринском центре», каждый курс был авторским, а преподаватели, не зажатые вузовской бюрократией, свободно подходили к формированию программ курсов и содержанию занятий. Пожалуй, просто перечислю тех преподавателей, курсы которых я посещал: Г. С. Батыгин, А. Ф. Филиппов, А. О. Крыштановский, В. В. Радаев, Б. Ю. Кагарлицкий, В. В. Вагин, Н. Е. Покровский, В. А. Ядов, В. В. Сапов и другие. Всем преподавателям я очень благодарен не только за лекции и семинары, но и за советы по подготовке эссе и выпускной работы, которые оказались очень важными для меня в дальнейшем.

В то время «шанинцы» жили в общежитии на территории тогдашней АНХ, в гостинице для слушателей программ МВА. Моя комната была на двенадцатом или тринадцатом этаже, и я её делил с Владимиром К., учившимся на факультете «Менеджмент в культуре». Из обзорного окна был виден проспект Вернадского с высотками административных зданий позднего советского времени. Тогда городской пейзаж с бесконечным движением автомобилей по освещенному проспекту казался воплощением биения пульса мегаполиса: сегодня Юго-Западная застроена так плотно, что брежневские корпоративные здания теряются на фоне небоскребов девелоперского бума последнего десятилетия.

Сравнивая Шанинку и магистратуру Кухтеринского центра, могу сказать, что и там и там у меня были прекрасные преподаватели и хорошие условия для обучения и исследовательской работы. Конечно, масштабы деятельности МВШСЭН уже в то время были намного больше, чем работа Кухтеринского центра, но в целом обе эти точки были исключительно важными для становления нового социологического образования и обновления исследовательской повестки дня в российской социологии.

Я не помню, «Шанинка» давала второе образование или являлась аспирантурой? По какой проблематике Вы готовили итоговую (дипломную или кандидатскую) работу?

Как я уже говорил, в Шанинке я продолжил работу над исследованием становления профессии менеджера в России и международном контексте. Помимо чтения литературы, я вел эмпирическое исследование — встречался с руководителями и основателями бизнес-школ и расспрашивал их том, как происходило становление нашего бизнес-образования.

Шанинка не была аспирантурой и помимо магистерского диплома Манчестерского университета, по окончании полного курса мы получили сертификат о профессиональной переподготовке. Вручение дипломов в Шанинке традиционно является главным событием года и проходит в торжественной обстановке в соответствии с традициями и ритуалами британских университетов. Помню, что примерка мантии и академической шапочки стал важным символическим актом, обозначившим новый этап в жизни.

Роман, теперь, пожалуйста, расскажите о Вашем кандидатском исследовании: проблематика, методология, как шла работа, когда состоялась защита?

Название темы моего диссертационного исследования «Легитимация профессиональной власти менеджеров: историко-теоретический анализ института бизнес-образования в России» на слух звучит как тема работы, выполненной в духе социологии управления — подобных защищается множество на кафедрах менеджмента теми, кто преподает соответствующие дисциплины или является практикующим консультантом по управлению. Однако с этой традицией моя работа почти не имела ничего общего, что и позволило мне защищаться по теоретической специальности 22.00.01. Ключевая идея исследования заключалась в том, чтобы, используя концептуальный аппарат критических management studies, социологии профессий и социологии организаций реконструировать профессиональный проект менеджмента (или в советском варианте — науки управления) в контексте развития бизнес-образования. В теоретической части работы я обратился к классическим и современным концепциям социологии организаций, также рассмотрел некоторые аспекты трансформации профессий на фоне расширения роли высшего образования как центра производства специалистов. Заметное место уделил истории НОТ (научной организации труда) как формы менеджериальной идеологии. Здесь я опирался на зарубежную литературу и на русскоязычные источники: от публикаций по теме НОТ 1920-х гг., которые можно было найти в ИНИОНе до вполне достойных аналитических обзоров 1970—80-х гг., посвященных критике «западного менеджизма» и «корпоративизма», в которых на основе современных источников вполне релевантно

раскрывались составляющие менеджеральной революции и трансформации организационной контекста в условиях позднего капитализма. Тогда же прочитал «Властвующую элиту» Р. Миллса, стал немного знакомиться с неомарксистскими концепциями идеологии Д. Лукача, А. Грамши и т.п.

Эмпирическое исследование, которое в рамках моей специальности носило скорее иллюстративный характер, представляло собой цикл интервью с лидерами российского движения за легитимацию бизнес-образования в виде MBA (Master of business administration). Это были руководители бизнес-школ – Академии внешней торговли, Школы бизнеса МГУ, Высшей школы бизнеса и предпринимательства при АНХ и т.д. Интервью получились крайне содержательные и интересные – многие из информантов начинали в качестве академических ученых в начале 1970-х гг. и хорошо знали то, как появились первые ростки управленческого образования современного типа в период перестройки. Транскрипты интервью приложены к тексту диссертации.

Защита состоялась в самом начале декабря 2000 г. в Институте социологии РАН. До этого я представлял концепцию работы, а затем и проходил предзащиту в секторе Истории и теории социологии Института социологии РАН, который тогда возглавлял Ю. Н. Давыдов. Сектор тогда работал над многотомником «Истории теоретической социологии» и я, будучи аспирантом сектора, присутствовал на его заседаниях, где обсуждались и будущие тома этого издания и проходили содержательные семинары, где сотрудники представляли результаты своей работы. Всё происходившее там захватывало меня, поскольку я был свидетелем (в большей степени) настоящих научных дискуссий, касающихся истории социологической теории и её современного состояния. К тому же получилось так, что я стал членом коллектива, состоящего из авторов оранжевого «соросовского» учебника по социологической теории, который так помог мне при поступлении в «кухтеринскую» магистратуру.

Возвращаясь к кандидатской, могу сказать, что защита прошла благополучно, хотя деталей я не помню из-за волнения. Оппонентами на защите была Н. Е. Покровский и М. Ф. Черныш. На основе диссертационного исследования, существенно его расширив и дополнив новым материалом, через несколько лет я подготовил монографию, посвященную исследованию менеджмента как профессии¹³. Но это было позже.

Роман, еще раз нарушу хронологическое развитие нашей беседы. Мы с Вами познакомились в 2011 году после моего ознакомления с Вашей небольшой заметкой памяти А. Д. Ковалева. Так получилось, что именно Вы меня познакомили с жизнью и делом этого человека; одну из передач о российских социологах на «Радио Свобода» я позже посвятил ему. Не могли бы Вы здесь рассказать об А. Д. Ковалеве и Ю.Н. Давыдове, с которым я был очень поверхностно знаком?

Мой научный руководитель И. Ф. Девятко работала в секторе теории и истории социологии Института социологии РАН и еще, будучи магистрантом, я стал посещать заседания этого сектора. Тогда он располагался в небольшой узкой комнате на третьем этаже института, напротив правого входа с лестницы. Возглавлял тогда сектор Ю. Н. Давыдов и в то время сотрудниками этого сектора кроме И. Ф. Девятко были В. В. Сапов, А. Д. Ковалев, А. Б. Гофман,

¹³ Абрамов Р. Н. Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. М.: УРСС, 2005.

В. Н. Фомина, Л. В. Ясная, А. А. Зотов, М. С. Ковалёва. Нередко на заседаниях присутствовал В. И. Шамшурин. Возможно, я кого-то забыл, но думаю, что основной состав вспомнил. О каждом коллеге можно сказать много хорошего, поскольку все сотрудники сектора являются интеллектуалами в европейском смысле этого слова и интеллигентами в российском понимании. Эрудированные, порядочные, отзывчивые люди, с которыми всегда можно поговорить об Аристотеле, русской философии XIX века, классической немецкой философии, истории социологии и современной социальной теории. Это отнюдь не означает, что интеллектуальный треп — их главный жанр. Наоборот — многочисленные публикации, переводы, активная преподавательская деятельность свидетельствует о серьезной и важной работе, которую вели и ведут сотрудники сектора. К сожалению, сегодня от нас ушли Ю. Н. Давыдов, А. Д. Ковалев, В. Н. Фомина...

Мне кажется, что сам процесс формирования исследований в области истории и теории социологии в советское и постсоветское время заслуживает пристального внимания, и, к сожалению, менее известна и изучена, нежели история массовых опросов или заводской социологии. Возможно, кто-то из аспирантов возьмется сделать исследование на эту тему.

Я не могу сказать, что я был хорошо знаком с Ю. Н. Давыдовым. Я читал его работы социологического периода, видел как он общается с коллегами на секторских посиделках, немного говорил с ним в неформальной обстановке и не более того. Помню, что он положительно отнесся к моей диссертации, а также то, что он, чувствуя себя нездоровым, активно работал, стремясь завершить большой замысел — многотомную историю теоретической социологии, до сих пор являющуюся центральным текстом по этой теме на русском языке.

Как-то я спросил его о том, почему он стал «подписантом» в поддержку диссидентов Гинзбурга и Галанскова, понимая, что это негативно отразится на его карьере. Он ответил: «А как же иначе? Я не мог иначе! Я не думал тогда о последствиях». Для самого Ю. Н. Давыдова наука была делом жизни, и, пережив взлёт интеллектуальной славы в 1960-х годах, он спокойно относился к «медным трубам», сосредоточившись на главном — теории социологии и социальной философии. Ю. Н. Давыдов опубликовал множество блестящих работ, однако, пока отсутствует по-настоящему глубокий их анализ, который позволил бы вернуть им тот интерес, которого они заслуживают. В период «быстрой науки» так мало возможностей для вдумчивого чтения. Я полагаю, что о Ю. Н. Давыдове могут многое рассказать люди, знавшие и работавшие с ним многие годы и, безусловно, воспоминания о нем и анализ его работ достойны отдельной книги.

С А. Д. Ковалёвым я также познакомился, начав посещать заседания сектора истории и теории социологии. Помимо общих бесед в секторе и чтения его работ я более плотно взаимодействовал с ним при создании и преподавании курса «Теория социальных институтов» на тогдашнем факультете социологии НИУ ВШЭ. Я вместе с А. А. Кожановым вел семинары по этому курсу и мы обменивались с А. Д. Ковалевым идеями по его развитию, хотя оригинальная концепция и программа курса были сделаны Александром Дмитриевичем.

Далее, я приведу несколько фрагментов из моей статьи памяти А. Д. Ковалёва, опубликованной несколько лет назад в «Социологическом журнале»¹⁴.

¹⁴ Абрамов Р. Н. Памяти А. Д. Ковалева: эссе об интеллектуальной скромности // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 144–153

«После окончания философского факультета МГУ (1966 г.) А. Д. Ковалев поступил в сектор теории и методологии социологии в 1968 году – в период создания Института конкретных социальных исследований АН СССР. Во главе сектора тогда находился Ю. А. Левада, вскоре изгнанный из стен института. Именно в те последние годы и даже месяцы «либерализма» А. Д. Ковалев определил для себя ключевые принципы работы и круг интересов. Содержательно А. Д. Ковалев занимался чтением, переводами и анализом ключевых теоретических текстов по социологии и социальной философии. Не менее важным стало участие в создании и восприятии уникальной культуры работы с текстами и теоретическим знанием, которая стала результатом усилий руководителей и сотрудников историко-теоретического отдела института. За годы своего существования сектор не раз менял название и своих руководителей, среди которых такие известные и столь отличающиеся между собой советские и российские социологи как Ю. Н. Давыдов, И. С. Кон, Г. В. Осипов.

В 1970-е г. после организационного и идеологического разгрома институт переживал трудные времена. Это отразилось на академическом статусе многих молодых сотрудников, которые на долгие годы лишились возможности защищать свои диссертации по истории и теории социологии. Так и А. Д. Ковалев стал кандидатом философских наук только в 1985 г.

А. Д. Ковалев и его коллеги нашли собственную нишу, позволяющую не слишком оглядываться на решения очередного партийного пленума и медленно, но верно формировать адекватное представление заинтересованной аудитории о мировых тенденциях в области теоретического социологического знания. Основными формами этой работы стали реферативные обзоры важнейших статей, публикуемые мизерными тиражами ИНИОН АН СССР, аналитические обзоры, обобщающие ключевые зарубежные публикации по той или иной теме, статьи, написанные в жанре «критики буржуазной социологии», но максимально полно и достоверно освещающие содержание работ ведущих социологов – Т. Парсонса, И. Гофмана и др. Кроме того, велась работа по реконцептуализации классического наследия социальной философии с точки зрения его значения для развития социологической мысли.

большим этапом работы сектора, в котором принял активное участие А. Д. Ковалев, стало многотомное издание «Истории теоретической социологии», охватывающее социальную мысль от античности до современности. Предпосылки для появления этого издания были созданы еще в конце 1970-х гг., когда публиковались первые сборники по истории буржуазной социологии. Новый многолетний проект был связан с выполнением миссии просвещения, систематизации социологической мысли и развития российской истории и теории социологии в соответствии с мировыми тенденциями. Также это издание должно было послужить фундаментальным учебником для студентов и аспирантов¹⁵. Сегодня можно констатировать, что все перечисленные цели были блестяще реализованы.

Работа переводчика социологических текстов – тяжелый труд, требующий терпения и аналитического склада ума, а также ответственности за результат: только так можно избежать халтуры. А. Д. Ковалев перевел работы ведущих представителей мировой социологической мысли Т. Парсонса, Э. Гидденса, И. Гофмана и других. Вместе с Л. А. Седовым сделан перевод и публикация книги Т. Парсонса «Система

¹⁵ Сравнительный анализ композиции этого многотомного издания со структурой фундаментального учебника Е. Шацкого см. Зотов А.А. Две стратегии в изучении истории развития социологических теорий (попытка сопоставления книги Е. Шацкого и пятитомника Ю.Н. Давыдова и соавторов)/ Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии. Сборник научных докладов симпозиума, 3–4 октября 2011 г. Под ред. И. Ф. Девятко, Н. К. Орловой. М.: Институт социологии РАН, 2011, с.255–275.

современных обществ»¹⁶, где А. Д. Ковалевым была сделан перевод интеллектуальной автобиографии американского социолога. Кроме того, будучи смертельно больным А. Д. Ковалев успел завершить работу над небольшим, но чрезвычайно важным ТЕКСТОМ Т. Парсонса «Пролегомены к теории социальных институтов»¹⁷, в котором автор теории социетальной эволюции еще в 1930-е гг. наметил основные векторы развития своей будущей теоретической модели. И, конечно, многом благодаря А. Д. Ковалеву на русском языке увидели свет основные работы И. Гофмана — «Представление себя другим в повседневной жизни»¹⁸, и «Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта»¹⁹. К книге, где И. Гофман представляет драматургический подход как теоретическую оптику рассмотрения социального порядка, А.Д. Ковалев подготовил вводную статью, позволяющую отобразить положение гофмановской теории на координатной сетке социологического знания.

Я познакомился с А. Д. Ковалевым, будучи молодым аспирантом, участвующим в заседаниях и семинарах сектора истории и теории социологии. А. Д. Ковалев мной воспринимался как наследник оттепельной интеллигенции: внимательный, вдумчивый, доброжелательный, эрудированный, самоироничный. Внешне мне он напомнил кого-то из братьев Стругацких, и это, наверное, не только впечатление от его внешности, но и общее впечатление от личности. Когда мы стали общаться теснее, первые впечатления меня не обманули: А. Д. Ковалев действительно воплощал собой исчезающий интеллигенции периода оттепели.

Личная и профессиональная биография А. Д. Ковалева и собственный опыт общения с ним заставили меня задуматься о неожиданном свойстве этого ученого, которое так не соответствует нашему времени, когда логика фондового рынка с его бесконечной гонкой за рост биржевых котировок становится логикой жизни академического сообщества. Обретение научной репутации теперь схоже со стремительным надуванием курсовой стоимости на бирже, где всё более существенную роль играет искусство самопрезентации, включенность в медийный контекст и способность реагировать на меняющуюся научную моду. Вполне вероятно, подобная трансформация института науки неизбежна и позиция публичного интеллектуала становится важнее роли кабинетного ученого. И всё же академические занятия философией и теоретической социологией предполагают некоторую внутреннюю интеллектуальную аскезу, позволяющую сосредоточиться на главном. Это то, что можно назвать интеллектуальной скромностью, то есть способностью наступить на горло своему тщеславию и предложить максимально нейтральный и объективный анализ источника. Это качество также означает отсутствие административных амбиций, нежелание стать «академическим генералом», но остаться пусть не столь известным, но честным и профессиональным тружеником науки. Именно этими качествами в полной мере обладал А. Д. Ковалев. Его интеллектуальная скромность не означала самоуничтожения

¹⁶ Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография/ пер.А.Д.Ковалева/Парсонс Т. Система современных обществ. Науч.ред.перевода М.С. Ковалева.М.: Аспект-Пресс, 1997, с.210–266.

¹⁷ Парсонс Т. Пролегомены к теории социальных институтов (перевод А.Д. Ковалева)/ Глобализация и социальные институты: социологический подход. Отв.ред. И.Ф. Девятко. М.: Институт социологии РАН, 2010, с.295–330.

¹⁸ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 2000.

¹⁹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Пер. с англ.М.: Институт социологии РАН, 2003.

или косности мышления. Это была скромность свободно мыслящего, отлично эрудированного интеллектуала, который прекрасно понимал текущий общественный и политический контекст, но никогда в своих переводах, теоретических интерпретациях и статьях не позволял собственным амбициям и комплексам искажать суть обсуждаемых концепций.

При этом профессионализм понимается не только как безупречное знание источников, но и скромность — когда собственные эмоции, страхи, надежды и предпочтения отступают перед требованием максимально объективного, беспристрастного, но содержательно и стилистически насыщенного теоретико-исторического анализа. Кто знает, возможно, личная скромность А.Д. Ковалева, как и скромность его коллег по сектору, сыграли злую шутку с историей нашей социологии — и вот уже кажется, что теоретическое социологическое мышление возникло только с возникновением в постсоветской России первых зарубежных научных фондов.

Он рассматривал свою работу как призвание и глубоко погружался в предмет исследования. Его размышления о природе социальных институтов, функционализме и организации повседневной жизни в феноменологической перспективе остаются востребованным аналитическим базисом теоретической социологии. Переводы социологических текстов, сделанные А. Д. Ковалевым, вошли в золотой фонд российской социологии».

Возможно, читателям мой рассказ о коллегах покажется несколько скучным — нет ярких историй, баек, анекдотов из их жизни. Дело тут и во мне, конечно, к сожалению, я не умею долго в голове хранить удачные шутки, диалоги, блистательные ремарки, которые, конечно, имеют место быть. А что касается профессиональной стороны дела, то публикации являются самым важным и ценным источником понимания качества и уровня работы ученого. Говоря об уровне, я не имею в виду формальный квартиль в Scopus или статус «ваковского» журнала — я имею в виду содержательную ценность и возможность работы с идеями, аналитическими наработками автора, пусть даже эта публикация когда-то выходила в институтском сборнике, изданным мизерным тиражом на дурной оберточной бумаге, с плохим качеством ротапечной печати и выпадающими листами. Только внимательный читатель может судить о качестве работы своих коллег и поэтому я могу призвать не судить о работе того или иного ученого по чужим устным или письменным отзывам (и по моему отзыву тоже), а взять его работы и прочитать. Тогда станет понятнее — кто и что сделал.

Что касается «давыдовского» сектора, то он и сейчас активно и вполне успешно работает под руководством И. Ф. Девятко и, я надеюсь, что эта работа будет продолжена.

Перечитав все, могу сказать, что тема Вашей кандидатской и ее интерпретация делают честь и Вам, и И. Ф. Девятко. Есть «историко-теоретический анализ», есть «институт», есть «образование», предзащита — в секторе Истории и теории социологии. После такой работы Вы спокойно могли двигаться в любом направлении, к тому же, имея опыт политконсультирования. Чему Вы отдали предпочтение? Как начиналась жизнь после завершения 2000 года?

Не знаю, что имеется в виду под «любым направлением», но на момент защиты диссертации моя ситуация была такова. Я доживал свой срок в ДАС–2 на Островитянова, жена поступила в Шанинку и жила в общежитии на Юго-Западной. Работы тогда не было, поскольку в последние месяцы перед защитой я занимался доработкой текста и всякими сопутствующими бюрократическими делами. Деньги, заработанные в политконсалтинге, заканчивались. Так что в декабре 2000 г. передо мной действительно лежал весь мир, и можно было пойти в любую сторону.

Как-то так сложилось, что всё-таки я не хотел порывать с научной деятельностью, и весной 2001 года стал научным сотрудником сектора теории и истории социологии Института социологии РАН. Коллеги, работавшие в то время в академических институтах, знают о смехотворно низком уровне оплаты труда: в науке можно было выжить либо «сидя на грантах» (предпочтительнее — зарубежных я), либо имея вторую занятость в виде практических проектов и разных подработок.

Так поступил и я, став аналитиком в небольшой PR-компании, занимавшейся бизнес-коммуникациями, консалтингом, event-managment, рекламой, исследованиями и прочими аналитически-организационными услугами для бизнеса. Гибкий график и разнообразное содержание работы делали её вполне привлекательной. К тому же я стал бывать на всяких встречах в только-только отстраивающихся организационно и пространственно российских компаниях разного уровня, и это был любопытный опыт наблюдения за игрой клерков в настоящих «менеджеров», «пиарщиков», «джиджарщиков», «рекламистов».

Что еще произошло в то время? Осенью мы с женой съехали из наших общежитий и переехали в двухкомнатную квартиру в Новогиреево, на отдаленную улицу Сталеваров (позже пришлось жить и на ул. Новаторов в районе Ленинского проспекта), которую сняли вместе с однокурсниками по Шанинке. Квартира находилась в длинной грязно-бежевой девятиэтажке брежневской поры с бесконечным числом подъездов: наш был, кажется, четырнадцатый. Сама квартира оставалась закрытой много лет, поскольку её владелица после расставания с мужем нередко оказывалась на лечении в психиатрической клинике, а жить переехала к родителям. Мы стали первыми арендаторами и когда заехали в квартиру, то оказались в музее поздней советской эпохи — начиная от продуктов, вроде, пачек грузинского чая, датированных 1987-м г., и заканчивая мебелью и одеждой — всё хранилось на своих местах примерно с конца восьмидесятых. Это создало и некоторые сложности для нас — не оказалось места для вещей. Несмотря на удаленность от метро и другие неудобства, это всё же было не общежитие, а поэтому мы вполне наладили свой быт. Прожили в этой квартире мы около года и съехали, потому что у хозяйки возникла какая-то паранойя по поводу нас как арендаторов.

Думаю, что опыт съема московского жилья на рубеже девяностых-двухтысячных стоит описать и ретроспективно исследовать — это был абсолютно черный рынок без всяких правил. Московский строительный бум только начинался, а поэтому сегмент аренды, главным образом, составляли, так называемые, «бабушкины квартиры» без ремонта со старой мебелью и атмосферой бесприютности, тлена и упадка. К тому же многие из этих квартир имели вид чрезвычайно затасканный из-за частой смены арендаторов, относившихся к интерьеру

снимаемого жилья без пиетета. Тогда мало кто из арендодателей задумывался о косметическом ремонте «под сдачу», а IKEA с её понятной и недорогой мебелью пришла на рынок только в марте 2000 года, и в то время её мебель отнюдь не рассматривалась в low-cost сегменте. Также объявления о сдаче в аренду приходилось выискивать в газетах — соответствующие интернет-ресурсы находились в зачаточном состоянии. Что было интересного в этих квартирах — это библиотеки: бесконечные тома «анжелик» и серенькие четырехтомники Джека Лондона перемежались с классикой, качественной современной литературой и периодикой. Было что почитать.

Поводя итог этому периоду своей жизни, могу сказать, что это был обычный переход от полустуденческого формата к формату интеллектуального гастарбайтерства — кочевание по съемному жилью, работы и подработки при попытках сохранения основной линии, связанной с научной деятельностью.

Если бы меня попросили охарактеризовать общее в Вашем стиле ответа на мои вопросы и в рассказах Виктора Вахштайна, Дениса Подвойского и Дмитрия Рогозина, я сказал бы: «Биография в контексте повседневности». Интересно, каждый из Вас пришел к подобному дискурсу самостоятельно или это свидетельство принадлежности к общей школы?

Трудно говорить о принадлежности нас к общей школе и, возможно, к одному поколению: всё-таки В. Вахштайн — это уже дерзкое постсоветское поколение, ракетой устремившееся к вершинам научного и административного успеха, тогда как я до шестнадцати лет жил в СССР. К тому же и профессиональное становление происходило у нас с названными Вами коллегами по-разному, хотя и в одном контексте. Свои ответы на вопросы, как Вы помните, Борис Зусманович, я начал давать летом 2014 года, и это интервью было сделано больше чем наполовину к моменту, когда были опубликованы соответствующие тексты уважаемых коллег.

Поэтому тут я скорее могу просто порассуждать о своём взгляде на этот жанр. Как я уже говорил, о профессиональной деятельности того или иного ученого, в первую очередь, следует судить по его академическим публикациям, а не по событийной насыщенности его личной биографии, истории его семьи или социальном происхождении. Одновременно, биографические интервью могут быть источником информации для исследователей социальной истории той или иной научной дисциплины: этот метод активно используют историки, антропологи, социологи. В таком случае становится не столь важно имя конкретного информанта, сколько произведенный им рассказ о своей биографии, который ложится в ряд других подобных нарративов как источник информации для исследователя. Тогда есть смысл собирать биографические нарративы, хотя, на мой взгляд, более интересными и содержательными являются устные и письменные воспоминания и биографические интервью «старейшин» тех, чья профессиональная и личная биография в основном состоялась и они, во-первых, свободны в своих суждениях, а во-вторых, у них есть, что рассказать о себе, своем окружении. В этом отношении собранные Вами материалы интервью со старшим поколением советских и российских социологов бесценны, поскольку формируют коммеморативное пространство нашей дисциплины, и служат важным источником для исследований истории отечественной социологии.

Возможно, интервью с коллегами моего возраста и более младшего поколения не столь значимы в этом контексте. Кроме того, я, например, не знаю — останусь ли в профессии или буду «вычищен» в ходе в одной из кампаний по повышению эффективности российской науки и образования. В таком случае моё интервью интересно лишь как кейс «drop out» — неудачника от профессии. Мне кажется, что накопленные Вами, Борис Зусманович, материалы интервью и опыт коммуникаций с коллегами в процессе сбора этих материалов нуждаются в рефлексии второго порядка — анализа характера этих коммуникаций и обобщения методологических аспектов данного исследования. Это было бы интересно в контексте растущего объема исследований социальной памяти и знания о прошлом в социальных науках.

Когда я (как Вы помните, не без некоторого сопротивления), согласился на это интервью, то видел его не как самопрезентацию собственной уникальной биографии, а как один из нарративов, который может оказаться полезным для исследования и понимания характера времени (zeitgeist) и деталей повседневности этого времени, которые обычно ускользают от аналитического взгляда. В юности на меня сильное впечатление произвела биографическая проза И. Бродского (отрывок его эссе «Полторы комнаты» был опубликован в журнале «Ровесник» на рубеже 1980-х—1990-х годов), блестящий текст В. Набокова «Далекие берега» и, позже уже в начале 2000-х годов прочитанные мною воспоминания известного художника и свидетеля взлета Серебряного века А. Бенуа. Стилистически безупречные, погружающие в жизненный мир своих героев и их время, тексты.

Наряду с этим, на протяжении примерно десяти лет я активно интересовался ностальгией по советскому периоду (в первую очередь — меморизацией эпохи брежневского застоя) и искал, читал и анализировал как опубликованные воспоминания об этом времени (например, деятелей московского концептуализма), так и многочисленные «народные свидетельства», разбросанные по блогосфере и российскому сегменту интернета. Эти свидетельства порой представляют собой завершённые и блестящие с точки зрения стиля памятные заметки, иногда — они становятся результатом обмена репликами в блогах, и во всех этих случаях они чрезвычайно любопытны в контексте исследований социальной памяти. Думаю, что эта работа также повлияла на меня в процессе ответов на Ваши вопросы.

Вот именно, что же было или стало основной линией? Единство методологии или верность одному предмету? Или нечто иное...

Полагаю, что ни то ни другое. В основном в академической сфере я работал с данными, которые можно отнести к, так называемой, «качественной социологии», но это не является осознанно выбранной идеологией, поскольку в рамках своей практической и профессиональной деятельности (например, в ФОМе, где И. А. Климов, С. Г. Климова вместе с другими коллегами — А. А. Ослоном, Г. Л. Кертманом, Л. А. Паутовой, Л. А. Пресняковой, А. В. Чуриковым, Е. Б. Галицким стали моими наставниками в области методов исследований и хорошими коллегами, создавшими уникальную творческую и дружескую

атмосферу) я также анализировал данные массовых опросов, а благодаря участию в проектах о folk science под руководством И. Ф. Девятко, имел дело с экспериментальными методами в социологии.

То же и в отношении верности предмету — начинал я с исследований в области management studies, затем переориентировался на социологию профессий. Однако, это не значит, что я не интересовался городской социологией, социологией высшего образования и, конечно, историей и теорией социологии. Например, мой академический интерес к социологическим аспектам ностальгии возник из личного интереса к эпохе застоя и её коммеморации сегодня. Просто мне хотелось что-то написать об этом, и начал я с эмпирического анализа ностальгического сегмента российской блогосферы, а затем и рассмотрел ностальгию как теоретический концепт. Другая тема — популяризация научного знания стала объектом моего интереса, поскольку я в среднем школьном возрасте активно читал «Химию и жизнь» и был очарован текстами и графическим исполнением журнала, а в 2011-м г. блестящий социолог науки и заместитель декана факультета социальных наук НИУ ВШЭ Андрей Кожанов предложил рассмотреть феномен Popular Science в контексте теорий социологии науки и научного знания. Так был реализован коллективный проект с участием магистрантов и студентов НИУ ВШЭ.

Боюсь, что всё это выглядит немного не фундаментально — я не могу поклясться верности какого-то одному методу, предмету, теоретику или описать свою работу как миссию по изучению или даже просвещению общества, скорее я могу сказать, что для меня крайне важно мнение моих учителей, близких друзей и коллег о сделанных мною исследованиях и написанных текстах. Этой оценки достаточно.

Роман, извините, я прервал описание того, как развивалась Ваша жизнь после 2000 года... с тех пор, однако, прошло полтора десятилетия... Какие из своих публикаций Вы бы отметили в первую очередь? Какие курсы Вы читали, какие ведете сейчас в Вышке? Стажировались ли Вы за границей, участвуете ли в международных проектах?

Да, постараюсь ответить по порядку. В течение этих лет я занимался теоретическими и эмпирическими исследованиями в области социологии профессий. Из крупных публикаций, стоит вспомнить монографию, посвященную профессиональному проекту менеджмента в СССР и России, которая вышла в 2005-м г. Довольно много статей посвящено интерпретациям зарубежных теоретиков социологи профессий. Были статьи, посвященные профессиональной культуре рабочих-металлургов, профессионализации научной журналистики, профессиональному теннису, академической профессии и др. Не буду все их перечислять здесь — электронные ресурсы доступны.

Нужно сказать, что в Великобритании и США это одна из немногих дисциплинарных областей в социологии, сохранившая своё теоретическое ядро, язык и исследовательские традиции, что с одной стороны делает её чуть старомодной, с другой — позволяет ей сохранять социологический взгляд на феномен профессий и занятий. Другое дело, что мир профессий тоже меняется — это и следствие неолиберального поворота в социальной политике большинства стран мира,

и результат масштабных технологических изменений (появление интернета, компьютеризация), а также влияние социальных трансформаций, изменивших социально-профессиональную структуру многих стран.

Где-то с 2008 г. у меня появились публикации, посвященные социальной памяти, ностальгии, и особенно ностальгии по позднему советскому периоду. Эта тема возникла в связи с личным интересом к семидесятым годам в СССР — и в целом, к эпохе застоя как особому времени, когда замедление развития страны сопровождалось многими очень интересными и важными неофициальными активностями — альтернативное искусство, литература, рок-андеграунд — всё то, что так ярко «выстрелило» в перестройку. Также меня занимал вопрос о том, почему где-то с конца девяностых годов в российском обществе началась ностальгия по тому времени, что проявилось в телепрограммах, возвращении некоторых советских «брендов» на прилавки супермаркетов и общее восприятие брежневской эпохи как относительно благополучного периода покоя и декаданса. К настоящему времени у меня вышел цикл статей, в которых я пытаюсь разобраться и с постсоветской ностальгией и с феноменом ностальгии в контексте теоретической социологии.

Преподавать для студентов (если не считать работу учителем в гимназии) я начал в 2001 г., когда вел семинары на социологическом факультете ГАУГНа при Институте социологии по курсу «Современные социологические теории», где лектором была И. Ф. Девятко. Затем в течение нескольких лет я полностью вел курс «Современные социологические теории». Параллельно для магистрантов «кухтеринского центра» я провел первый самостоятельный курс по социологии профессий, в котором кажется, впервые в России были отражены классические и современные работы по этой теме. При подготовке программы этого курса я вдохновлялся британской и американской традициями исследования занятий и профессий, а также уделил внимание истории профессий, опираясь на работы представителей французской Школы Анналов.

В 2002-м гг. И. Ф. Девятко была приглашена в НИУ ВШЭ, где ей предложили возглавить кафедру на факультете социологии (теперь, после ряда мер по повышению эффективности управления в университете, этот факультет вошел на правах департамента в мегафакультет социальных наук). Вместе с А. А. Кожановым я вошел в состав кафедры анализа социальных институтов. Кстати, поиск названия кафедры сопровождался некоторыми «политическими» перипетиями на уровне факультета, поскольку исходно была идея назвать наше подразделение кафедрой теоретической социологии, что наилучшим образом отражало характер научных интересов сотрудников. С начала 2003-го г. началась преподавательская работа в НИУ ВШЭ. Я пересобрал курс «Социология профессий», который читается на четвертом курсе бакалавриата. Также в 2004-м г. я стал читать курс по выбору «Сравнительный анализ образовательных систем», который перерос в курс «Социология образования». В разные годы он был обязательным или по выбору и в зависимости от возможностей, отведенных временем курса мы обсуждали самые разные темы — от истории школьного образования и его роли в формировании национальных государств до жанра «академических романов» на примере Дэвида Лоджа, Владимира Набокова и других. Примерно в 2005-м г. я разработал и начал читать курс «Социологический анализ идеологии» для магистрантов программы «Комплексный социальный анализ». Это

теоретический курс, связанный с эпистемологическим анализом идеологии как социально-философского понятия. Мой интерес к идеологии в этом ключе начался еще в то время, когда я занимался исследованием профессионализации менеджмента и показал роль менеджериальной идеологии в данном процессе. Также меня интересовали идеи и интеллектуальная биография Д. Лукача, А. Грамши, Л. Альтюссера, С. Жижека, что стало дополнительным стимулом для создания курса.

Я не считаю, что у меня есть выдающиеся способности к преподаванию — скорее, это важная часть работы любого академического профессионала. Конечно, в исследовательских центрах можно сосредоточиться исключительно на исследовательской деятельности, но преподавание в умеренных объемах является полезным для структурирования собственного мышления. Самым неприятным моментом в преподавании (и здесь я выскажу банальную точку зрения, которую неоднократно слышал и читал у других коллег) является окружающая этот процесс тяжеловесная бюрократия, которая, кажется, призвана внушить отвращение профессионалу к своей работе. Бесконечные циркуляры с требованием внесения декоративных поправок в программы курсов в режиме аврала и под угрозой штрафов и административных мер в случае невыполнения абсурдных требований, не только дискредитируют руководство университетов, но и подрывают мотивацию преподавателей. Некоторые коллеги видят в этом административном угаре даже следы «теории заговора», призванной разрушить нашу академическую систему, отвлекая силы ученых на «покраску травы», вместо содержательной научной и образовательной работы, я же, будучи исследователем менеджериализма и шире, бюрократии, полагаю, что это саморазвивающийся процесс, который не контролируется даже инициаторами методических инноваций, возможно искренне заинтересованных в непрерывном росте эффективности науки и образования. Знаю, что есть оазисы, где преподаватели и исследователи работают по старинке, и их syllabus на уровне содержания и авторского исполнения, в первую очередь отражает авторский взгляд на предмет, а не является результатом механического следования малопонятным бюрократическим ритуалам. Думаю, что ближайшие годы покажут, как отразится столь пристальное внимание к оформлению и бесконечному обновлению программ курсов на качестве обучения и мотивации академических профессионалов.

Впервые я поехал за рубеж для участия в научном мероприятии довольно поздно — в возрасте 27 лет в 2002-м г. Это была летняя школа в Центрально-европейском университете в Будапеште по образовательной политике. Конечно, это была поездка, наполненная впечатлениями научного и туристического характера. Потом, в 2007-м г. состоялась стажировка в Великобритании у известного социолога профессий Майкла Сакса в Линкольнском университете. Далее, я провел четыре месяца снова в ЦЕУ, где работал над исследованием посткоммунистической ностальгии в странах Восточной и Центральной Европы. Также был по программе Фулбрайт в США, где, в том числе вместе с коллегой вел курс, посвященный коллективной памяти и мемуаристике. Стараюсь ездить на конференции по мере возможностей. Участие в международных научных форумах и стажировки очень полезны для расширения горизонтов видения и обмена опытом и знаниями с коллегами по всему миру.

Отдельно хочу сказать о том, что на протяжении всех этих лет в качестве part time научного сотрудника работаю в Институте социологии в отделе теории и истории социологии, который долгое время возглавлял Ю. Н. Давыдов, а сейчас – И. Ф. Девятко. Там мы ведем активные исследования, видимым результатом которых являются публикации и проведение Давыдовских чтений – редкого для России события, где вдумчиво обсуждаются вопросы социологической теории и истории социологии.

То есть идёт обычная жизнь, обычного исследователя и университетского преподавателя, в которой есть свои преимущества и свои проблемы.